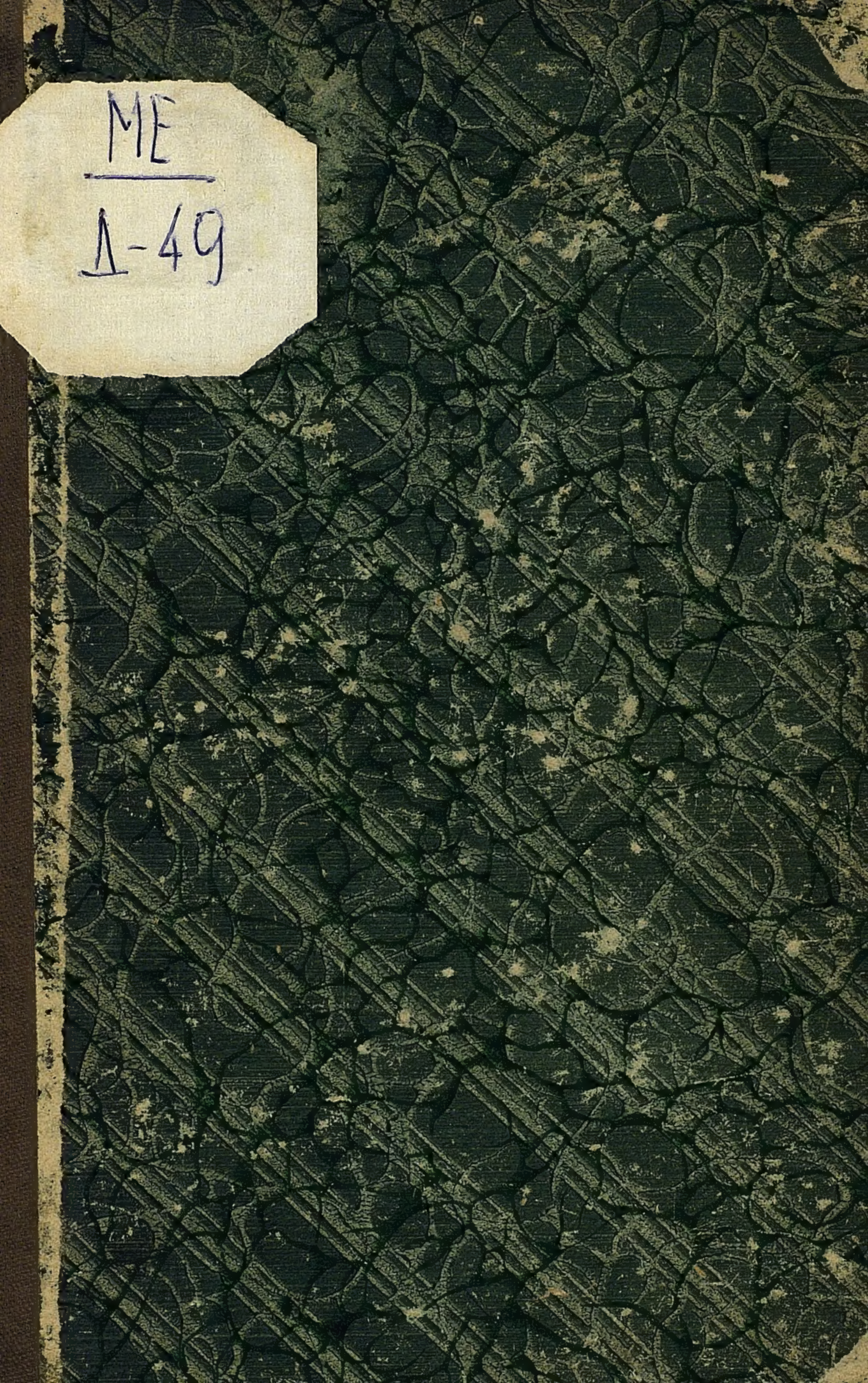
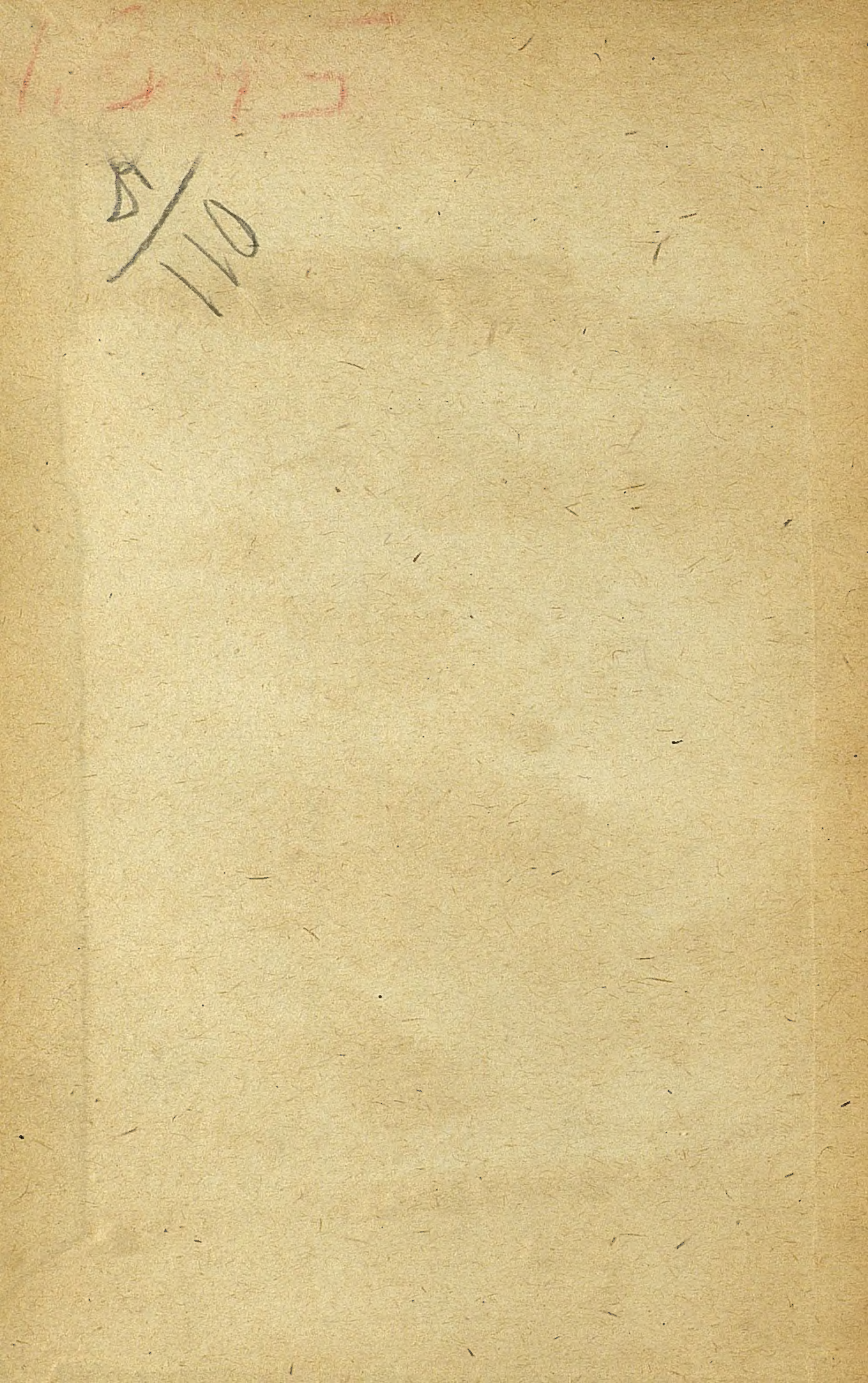
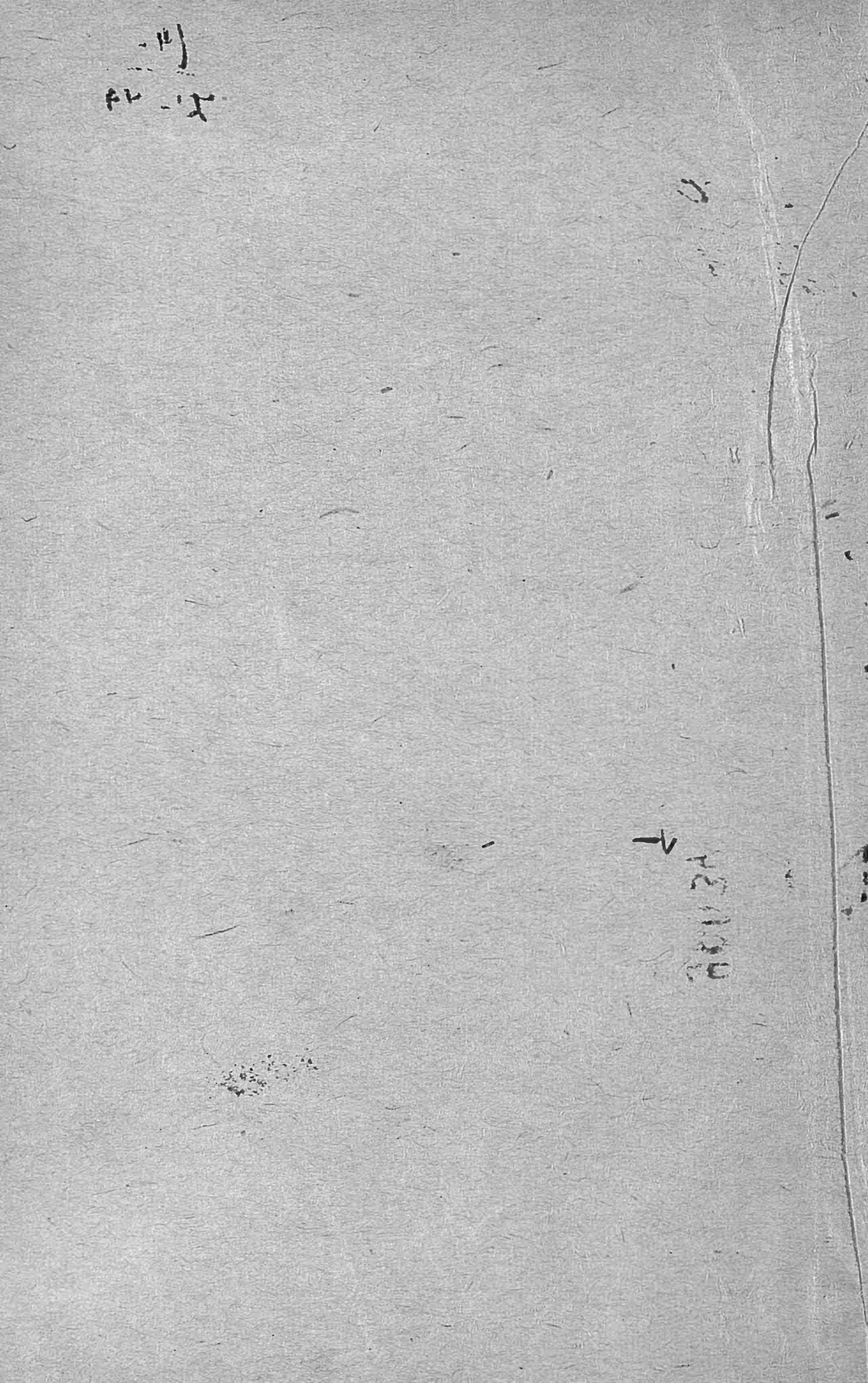

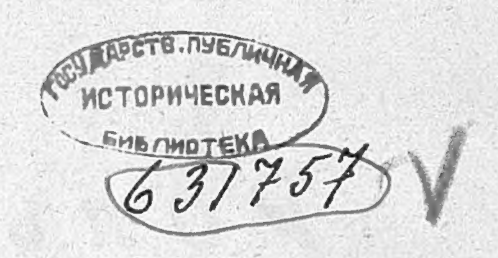

И. Дитятинъ.

Роль
челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи московскаго государства.

Изд. Парамонова
„Донская Рѣчь",
Ростовъ на Дону.

Дозв. цензурою 9 декабря 1904 года. Ростовъ на Дону.

Ростовъ на Дону.
Типографія Т-ва „Донская Рѣчь"
1905.

Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи московскаго государства.

И. Дитятинъ.

«...Дворянство въ собраніи можетъ дѣлать совѣщаніе о своихъ нуждахъ, представлять объ оныхъ черезъ губернскаго предводителя губернатору и министерству внутреннихъ дѣлъ, а въ случаяхъ важныхъ приносить и всеподданнѣйшія *прошенія* Его Императорскому Величеству; но не должно входить въ обсужденіе предметовъ, прямому его вѣдѣнію не подлежащихъ, и касаться вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій». (Сводъ Законовъ (изд. 1876 г.), т. IX, ст. 142).

Въ городскихъ поселеніяхъ, гдѣ не введено въ дѣйствіе городовое положеніе 1870 г., предметъ совѣщаній городского общества въ каждомъ городѣ, между прочимъ, составляетъ:

3) Представленіе о своихъ общественныхъ «нуждахъ и пользахъ», которое представляется «губернатору или градоначальнику по принадлежности». (Тамъ-же. ст. 577 и 578).

По положенію 1870 года, городской думѣ предоставляется: «постановленіе опредѣленій и ходатайствъ отъ имени города передъ высшимъ правительствомъ о *мѣст-*

ныхъ пользахъ и нуждахъ»; ходатайство же это «дѣлается черезъ губернатора, который обязанъ представить его высшему начальству съ своимъ заключеніемъ, не далѣе мѣсячнаго срока». (Город. Пол. 1870 г., ст. 55, п. 14 и ст. 13).

Земскимъ учрежденіемъ принадлежитъ право на «ходатайство по предметамъ, касающимся мѣстныхъ *хозяйственныхъ,* пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда». (Полож. о Земск. Учр., ст. 2, п. XII).

Вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ:

8) Совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ. (Полож. 14 февр. 1861 г., ст. 51).

Вотъ единственная форма, въ которой выражается въ наше время инициатива населенія по отношенію къ законодательству, все вліяніе его на развитіе послѣдняго. Всякая подача прошеній или ходатайствъ за подписью многихъ, не отъ имени «общества», «собранія», вообще не отъ имени юридическаго лица, разсматривается, какъ прошеніе «или доносомъ, или заговоромъ, или скопомъ» учиненное и, какъ таковое, строго нашимъ Уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій воспрещается. Правда, еще не такъ давно земство было спрошено по вопросу о реформѣ податной системы; еще на нашей памяти, въ началѣ шестидесятыхъ и концѣ пятидесятыхъ годовъ, наше общество, въ лицѣ нѣсколькихъ представителей городскаго населенія, въ лицѣ предводителей дворянства и немногихъ членовъ этого сословія, было приглашено къ нѣкоторому участію въ вопросѣ о преобразованіи городскихъ учрежденій и о такомъ великой важности дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ. Но все это дѣлалось даже не на основаніи тѣхъ узаконеній, которыя мы видѣли въ началѣ статьи. Это приглашеніе общества къ участію въ данныхъ вопросахъ основывалось на спеціальныхъ распоряженіяхъ, изданныхъ ad hoc; на основаніи такого же распоряженія въ наши дни немногіе предстивители городской думы Петербурга приглашены г. предсѣдателемъ Верховной

Комиссіи къ участію въ засѣданіяхъ этой послѣдней. Слѣдуетъ, однако, оговориться, что и во всѣхъ этихъ случаяхъ объ инициативѣ общества, въ техническомъ значеніи этого выраженія, рѣчи, въ сущности, быть не можетъ: инициатива, въ этомъ смыслѣ, всецѣло принадлежитъ правительству, которое обращается въ данной формѣ къ обществу лишь съ цѣлью получить отъ его представителей тѣ или иныя свѣдѣнія, необходимыя для соображеній въ его законодательныхъ работахъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ—при освобожденіи крестьянъ—представители общества пользовались правомъ совѣщательнаго голоса. Въ правѣ «ходатайства» о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, хотя бы и хозяйственныхъ только, предоставленномъ дворянству, городамъ, земству и крестьянамъ съ юридической точки зрѣнія, разумѣется, слѣдуетъ видѣть извѣстную форму инициативы, предоставленной обществу относительно законодательства; но эта форма слишкомъ узка и ограничена, чтобъ ее можно было назвать *народною* формою инициативы; нѣтъ, думается, необходимости доказывать это относительно «ходатайства» дворянства, въ которомъ ничего, кромѣ узко-сословнаго права, видѣть нельзя. Правда, въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ участвуютъ представители *всѣхъ* сословій; но нельзя не игнорировать вопроса *о равномѣрности* участія въ нихъ представителей этихъ сословій; смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, нельзя не замѣтить, что огромный слой населенія лишенъ всякаго участія въ правѣ на ходатайство черезъ посредство городскихъ и земскихъ учрежденій; мы говоримъ о крестьянствѣ. Впрочемъ, оно, мы видѣли, подобно дворянству, пользуется правомъ ходатайствъ, какъ сословіе, отъ лица каждаго сельскаго схода отдѣльно. Данная форма инициативы, дальше, слишкомъ узка, и для того, чтобы могла быть названа законодательной въ полномъ смыслѣ этого слова. Положимъ, подъ «своими пользами и нуждами» или «мѣстными» можно разумѣть очень многое; чего нельзя подвести подъ это понятіе? Но законода-

тель стремится подъ этимъ выраженіемъ разумѣть нѣчто опредѣленное (хотя и не выражаетъ этого ясно), узко сословное, во первыхъ, относительно дворянства и крестьянъ, исключительно касающееся «хозяйства», во-вторыхъ, по отношенію къ городу и земству. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что *въ дѣйствительности*, это право ходатайства осуществляется тѣми, кому оно предоставлено, слишкомъ не часто и въ слишкомъ скромныхъ размѣрахъ; а что самое главное, эти ходатайства слишкомъ рѣдко достигаютъ поставленныхъ себѣ цѣлей, чтобы о нихъ можно было говорить, какъ о выраженіи инициативы и извѣстной формы участія въ законодательной дѣятельности тѣхъ сословій и учрежденій, которымъ предоставлено самое право ходатайствъ. Мы знаемъ, напримѣръ, какъ рѣдко удовлетворяются ходатайства городовъ и земствъ объ открытіи школъ, реальныхъ училищъ и т. п. Мы помнимъ неудачныя ходатайства нѣкоторыхъ изъ нашихъ дворянскихъ собраній, поведшія къ болѣе печальнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ простой отказъ.

А было время въ нашей исторіи, когда такимъ правомъ ходатайствъ, говоря оффиціальнымъ языкомъ, пользовалось, и при томъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и каждое изъ сословій въ отдѣльности, и весь народъ въ его совокупности. Мы говоримъ о томъ періодѣ нашего прошлаго, который принято называть періодомъ московскаго государства. Въ этотъ тяжелый періодъ нашей исторіи духовенство, служилые люди, посадскіе, волостные и «всякихъ чиновъ» люди, «*били челомъ* государю, царю и великому князю» о всякихъ такихъ своихъ тяготахъ, обидахъ и разореніяхъ, просили «помиловать ихъ горькихъ людишекъ, чтобы имъ не погинути и нарознь не разойтись»! Посадскіе и крестьянскіе старосты и выборные люди «во всѣхъ людей мѣсто» несли и везли свои «челобитья великія» въ Москву самому царю или въ приказы царскіе.

Было у людей всякихъ чиновъ московскаго государства и другое средство довести до царя и вообще москов-

скаго правительства о своихъ тяготахъ и разореніяхъ, высказать «мысль свою» о тѣхъ средствахъ и мѣрахъ, какими, по ихъ мнѣнію, они могли избавиться отъ этихъ тяготъ, этихъ разореній. Это средство—высказать, предложить «мысль свою на *совѣтѣ* всей земли русской, на *земскомъ* великомъ *соборѣ*, черезъ своихъ «лучшихъ» выборныхъ людей,—«добрыхъ и разумныхъ», которые умѣли разсказать обиды, и насильства, и раззоренья и чѣмъ московскому государству полниться»...

Эти челобитья письменныя и устныя (на соборахъ) не оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Хотя московскіе цари и видѣли въ нихъ «докуку безпрестанную», но отвѣтомъ на всѣ эти «челобитья великія» и эту «докуку безпрестанную» всегда было разсмотрѣніе затрогиваемаго вопроса и почти всегда удовлетвореніе жалобъ и ходатайствъ; при чемъ самая сфера вопросовъ или лучше предметовъ, по которымъ можно было царю «челомъ бить», никогда не ограничивалась: били челомъ на «налоги и насильства» намѣстниковъ, волостелей, воеводъ и приказчиковъ; просили о замѣнѣ этихъ царскихъ служилыхъ людей своими излюбленными выборными; жаловались на «продажи и разоренія» этихъ послѣднихъ и просили ихъ замѣнить воеводами; били челомъ о тяготѣ всякихъ государевыхъ сборовъ и повинностей, прося облегченія; посадскіе торговые людишки бьютъ челомъ на многія торговыя льготы англичанъ, указываютъ на свое отъ того оскудѣніе и просятъ отнять эти льготы у заморскихъ гостей и т. д., и т. д. Словомъ, челобитныя затрогивали всѣ сферы внутренняго административнаго строя, всѣ стороны общественныхъ отношеній, которыя регулируются въ значительной степени подъ вліяніемъ челобитныхъ, или лучше тѣхъ предложеній и мѣръ, которыя указывались московскому правительству въ этихъ челобитныхъ. А если это такъ, —нельзя не согласиться съ тѣмъ, что народу московскаго государства принадлежала въ значительной степени самая инціатива въ законодательствѣ.

Объ этой инициативѣ, по скольку она проявлялась въ челобитныхъ и на соборахъ, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

I.

Челобитья.

«...жаловали напередъ сего бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, городы и волости давали имъ въ кормленія *и намъ* отъ крестьянъ *челобитія великія* и докука была *безпрестанная»*...
Изъ одной грамоты Ивана Грознаго.

Въ давнюю эпоху княжеско-вѣчеваго строя древней Руси «гласомъ вышняго народнаго законодательства», говоря языкомъ нашего исторіографа, было *вѣче*—собраніе самого народа. Призывая князя, указывая ему «путь чистъ» заключая съ нимъ договоры, на основаніи которыхъ онъ цѣловалъ крестъ править землею по «старой пошлинѣ» (обычаю), вѣче являлось законодателемъ, регулируя въ этихъ случаяхъ государственный строй «земли»; въ этой же роли являлось оно и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ съ сосѣдями. Но этимъ не ограничивалась законодательная функція вѣча. Такіе сборники древняго законодательства, какъ. напр., псковская и новгородская судныя грамоты, по указанію самихъ этихъ грамотъ, составлены при участіи вѣча: «ся грамота выписана», говорится въ началѣ псковской судной грамоты, «изъ великаго князя Александровы грамоты и изъ князя Константиновы грамоты и изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ... *всѣмъ Псковомъ на вѣчи;* а новгородскую судную грамоту «покончаши *посадники ноугородскіе* и *тысяцкіе* ноугородскіе, и *бояре*, и *житьи люди,* и *купцы*, и *черные люди,* всѣ пять концовъ, весь государь великій Новгородъ *на вѣчи*, на Ярославовомъ дворѣ». Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда какой либо законодательный актъ грамоты исходилъ отъ имени князя, въ его составленіи, по

крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, все-таки участвовали «люди», вѣче; такъ, наприм., въ началѣ извѣстной уставной грамоты, данной (въ XII ст.) на имя смоленской епископіи княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ и устанавливающей опредѣленныя привиллегіи духовенства, говорится, что князь даетъ эту грамоту «сдумавъ съ *людьми своими*»; здѣсь подъ «людьми» ничего, кромѣ все того же вѣча, разумѣть нельзя.

Разъ вѣче вѣдало законодательную функцію вмѣстѣ съ княземъ, участвуя въ составленіи и санкціи закона, само собою разумѣется, что ему, вѣчу, или, лучше, каждому участвовавшему въ немъ, принадлежало и право иниціативы закона. Это право принадлежало всему вообще населенію, а не только участвовавшему въ вѣчевыхъ собраніяхъ старшему городу: къ вѣчу этого рода могло обращаться и обращалось съ тѣмъ или инымъ дѣломъ, вопросомъ, населеніе пригородовъ и сельское населеніе волостей. Это населеніе, являясь на вѣчѣ старшаго города, излагая на немъ свои жалобы на всякія тяготы, указывая на свои нужды, тѣмъ самымъ вліяло на ходъ и развитіе вѣчеваго законодательства.

Къ концу XV столѣтія вѣче повсюду исчезаетъ; Русь, какъ совокупность цѣлаго ряда отдѣльныхъ, независимыхъ княжествъ, смѣняется единымъ *московскимъ государствомъ*; князь смѣняется царемъ, стоящимъ во главѣ «Богомъ дарованныхъ» ему людей, его сиротъ, холопей, богомольцевъ. Потомокъ князя, когда-то цѣловавшаго народу крестъ «на вѣчѣ», что будетъ ходити на всей его, вѣча, воли «по старинѣ и по пошлинѣ», царь московскій является носителемъ власти, полученной отъ Бога, избравшаго его «въ себѣ мѣсто на земли». Этотъ земной богъ есть все для своего народа на землѣ. Онъ – источникъ милостей и гнѣва, каръ и награжденія, живота и смерти. Онъ источникъ и создатель закона; онъ самъ законъ; онъ—олицетвореніе государства или, употребляя выраженіе нашего историка-юриста,—«само государство». И однако,

несмотря на все это, «Божіею милостію государь, царь и великій князь, всея Русіи самодержецъ», въ своей законодательной дѣятельности, въ своей великой роли управителя обширнаго московскаго государства, ничего не творитъ изъ себя самого: его холопы, сироты и богомольцы играютъ немалую роль въ его законодательномъ творчествѣ. За ними оставляетъ онъ значительную долю законодательной иниціативы; духовный чинъ, его великаго государя служилые люди, посадскіе, черныхъ сотенъ и черныхъ слободъ людишки, становые и волостные крестьяне «*бьютъ* ему великому государю *челомъ*», а онъ, царь и великій князь, ихъ «*жалуетъ*»—ими просимое даруя имъ, *узаконяетъ* его; «лучшихъ, добрыхъ и постоятельныхъ» изъ нихъ великій царь московскій призываетъ для своего «великаго и земскаго дѣла на *совѣтъ*»; въ общемъ совѣтѣ со всѣми ими, по ихъ общему, «всемірному» приговору, онъ «указываетъ».

Челобитья и общій совѣтъ земли, *земскіе соборы*—вотъ формы народной иниціативы, народнаго участія въ законодательствѣ московскаго государства.

Сначала остановимся на челобитьяхъ, и посмотримъ, кто и о чемъ могъ «бить челомъ» царю, и къ чему приводили, чего достигали челобитныя.

Изъ поставленнаго въ началѣ главы эпиграфа прямо вытекаетъ, что крестьяне, въ періодъ московскаго государства уже «крѣпкіе землѣ», пользовались правомъ подачи челобитныхъ; отсюда à priori можно заключить о правѣ челобитія остальныхъ тяглыхъ сословій московскаго государства и его духовнаго чина. Въ дѣйствительности такъ это и было. Обратимся къ памятникамъ московскаго законодательства. Если остановиться на такъ называемыхъ «жалованныхъ грамотахъ» духовенству, издававшихся московскими царями на имя епархій, монастырей, церквей и устанавливавшихъ въ пользу послѣднихъ различнаго рода права и привиллегіи; то окажется, что если не всѣ изъ нихъ (дошедшихъ до насъ), то очень и очень многія пред-

ставляютъ собою не что иное, какъ, если можно такъ выразиться, только отвѣтъ царя на просьбу, «челобитье» духовенства. На это указывается прямо въ самихъ жалованныхъ грамотахъ; въ нихъ часто говорится отъ имени царя: «*били мнѣ челомъ*» такого-то монастыря «священники и викарные» или «игуменъ съ братіею *и азъ*, царь и великій князь, *пожаловалъ*»... при этомъ разсказывается, о чемъ били челомъ и что пожаловано; по сравненіи того и другого оказывается, что пожалованное и есть просимсе челобитчиками. Жалованныя грамоты выдавались не одному только духовенству; ихъ получали служилые люди и даже тяглыя общины и получали, разумѣется, также въ отвѣтъ на челобитья. Служилые люди били челомъ царю едва ли не чаще его «богомольцевъ». Попробуйте хотя только перелистовать, напр., такъ называемыя «указныя книги» приказовъ холопьяго, земскаго, и вы чуть не на каждомъ шагу будете натыкаться на выраженія: «били челомъ государю, царю и великому князю *дворяне и дѣти боярскіе* разныхъ многихъ городовъ»; «били челомъ *стрѣльцы* всѣхъ праказовъ»,—казаки и *всякіе служилые люди*». Докучали царю своими челобитными не одни только перечисленные служилые люди низшихъ чиновъ, челомъ били ему и такіе чины, какъ бояре и стольники; въ одной изъ царскихъ грамотъ отъ 1616 года говорится, что «великому государю *писали изо всѣхъ городовъ* отъ литовскія и отъ нѣмецкія Украйны и изъ-подъ Смоленска и изъ Пскова и изо псковскихъ пригородовъ и *на Москвѣ безпрестани бьютъ челомъ* дворяне и дѣти боярскіе, и стрѣльцы, и казаки, и всякіе служилые люди»... Это было въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича, когда «великія росѣйскія государства отъ пограничныхъ недруговъ и отъ разорителей крестьянскихъ, отъ польскихъ и отъ литовскихъ, и отъ нѣмецкихъ людей, и отъ русскихъ воровъ разорены» были, когда расшатанное смутами первыхъ годовъ XVII вѣка, московское государство переживало особенно трудное время. Но если это было время особаго

«оскудѣнія» служилаго сословія, то едва ли оно не было временемъ еще большаго «оскудѣнія» во всѣхъ отношеніяхъ такихъ слоевъ населенія, какъ крестьянское и торгово-промышленное, положеніе которыхъ и за весь періодъ московскаго государства едва ли было особенно хорошо. Изъ эпиграфа мы видѣли, что еще при Иванѣ Грозномъ во второй половинѣ XVI столѣтія, крестьяне докучали царю «челобитными великими»: эти «крѣпкіе землѣ» земледѣльцы, выборные челобитчики, которыхъ присылаютъ эти «крестьянишки и волостные людишки» различныхъ уѣздовъ и волостей государства, чуть не безвыѣздно живутъ на Москвѣ, ожидая царскихъ выходовъ, чтобъ предстать предъ свѣтлыя очи царя-батюшки, ударить ему челомъ о своихъ невзгодахъ и просить его «смиловаться, пожаловать». Бьютъ челомъ царю «гости и гостинныя и суконныя сотенъ торговые люди», эти высшіе слои торгово-промышленнаго населенія московскаго государства чинятъ докуку царю своими жалостливыми челобитными и всякіе тяглые посадскіе «черныхъ сотенъ и черныхъ слободъ людишка». Бьютъ челомъ своему бѣлому царю его инородческіе подданные—«канинская и тіунская самоѣдь», ясачные вогуличи.

Но какъ же составлялись и подавались эти челобитья? подавались ли они отъ имени отдѣльныхъ лицъ, или отъ цѣлыхъ сословій, общинъ или отъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ ихъ? Челобитныя подавались отъ имени тѣхъ, другихъ и третьихъ и подписывались или всѣми челобитчиками или же подписывались нѣсколькими выборными представителями сословія или общины «во всѣхъ людей мѣсто». Послѣдней формы челобитныя подавались отъ крестьянъ и посадскаго населенія или отъ тѣхъ и другаго вмѣстѣ. Духовенство, служилые люди и такіе слои торгово-промышленнаго населенія, какъ «гости и гостинныя и суконныя сотенъ торговые люди», подавали челобитныя, подписывая ихъ поголовно. При этомъ случалось, и нерѣдко, что челобитныя подавались людьми того или

иного сословія, живущими не въ одномъ только пунктѣ, напр., городѣ или не въ одной только округѣ—станѣ или волости, а въ нѣсколькихъ; такъ до насъ дошла, напр., челобитная представителей торгово-промышленнаго населенія отъ первой половины XVII вѣка, подписанная болѣе чѣмъ сотней челобитчиковъ, жившихъ въ городахъ, находящихся на разныхъ концахъ Руси: «царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руси бьютъ челомъ», такъ начинается челобитная, «холопи и сироты твои государевы гостишка гостинныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговые людишки *и многихъ* твоихъ государевыхъ *розныхъ городовъ,* казанцы, нижегородцы, ярославцы, костромичи, суздальцы, муромцы, вологжене, псковичи, устюжане, романовцы, галичане, угличане, бѣлозерцы, каргопольцы, колмогорцы и иныхъ многихъ твоихъ государевыхъ городовъ торговые людишки». Настоящая челобитная подписана, однако, не выборными челобитчиками отъ всѣхъ казанцевъ, нижегородцевъ, колмогорцевъ и т. д. «во всѣхъ людей мѣсто», какъ отъ всѣхъ торговыхъ людишекъ Казани, Нижняго, Колмогоръ и т. д., отъ ихъ черныхъ сотенъ и слободъ, а отдѣльными лицами, жителями этихъ городовъ отъ своего имени только. «Къ сей челобитной Матюшка Васильевъ руку приложилъ»... «Ивашка Кадашевецъ», «Ярославецъ Останко Осиповъ руку приложилъ»; вотъ форма подписей, унизывающихъ эту челобитную и занимающихъ цѣлыхъ пять печатныхъ столбцовъ in quarto. Большинство же челобитныхъ подавалось, обыкновенно, отъ общинъ, одной или нѣсколькихъ, лежащихъ въ одномъ уѣздѣ; въ такихъ случаяхъ онѣ подавались нѣсколькими лицами, очевидно, излюбленными, выборными, избранными исключительно для подачи ихъ; къ этимъ выборнымъ челобитчикамъ, обыкновенно, присоединялись и постоянныя выборныя должностныя лица общинъ—старосты, сотскіе и десятскіе. Иногда челобитныя подавались «во всѣхъ людей мѣсто» одними только общинными должностными лицами, какъ напр., это имѣло мѣ-

сто въ 1622 году. Челобитная эта, поданная посадскимъ населеніемъ въ земскій приказъ, внесена была сотскими и старостами: «бьютъ челомъ сироты твои государевы», говорится въ челобитной, «черныхъ сотенъ сотскіе и черныхъ слободъ старостишка и во всѣхъ тяглыхъ людишекъ мѣсто».

Челобитныя, подаваемыя отъ общинъ, не всегда подавались отъ общинъ, такъ сказать, однородныхъ; другими словами—не всегда были челобитными отъ нѣсколькихъ общинъ *одного* сословія, т. е., напр.. отъ общинъ сельскаго или отъ общинъ посадскаго населенія. Нерѣдко случалось, что онѣ писались и подавались сообща тѣмъ и другимъ сословіямъ, т.-е. писалась одна общая челобитная *посадскими и волостными крестьянами* вмѣстѣ. Такъ, напр., изъ извѣстной уставной грамоты второй половины XVI ст., данной Иваномъ Грознымъ населенію одного изъ сѣверныхъ угловъ московскаго государства, видно, что ей предшествовала челобитная «отъ важанъ, шенкурцевъ и вельскаго стану *посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ крестьянъ*»; самая грамота, какъ отвѣтъ на такую челобитную, дана была совмѣстно на имя тѣхъ и другихъ, въ лицѣ ихъ выборныхъ представителей.

Каждая челобитная подписывалась челобитчиками—или всѣми, какъ это имѣло мѣсто, если судить по приведенной нами выше челобитной отъ торговцевъ и промышленниковъ многихъ разныхъ городовъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда челобитныя подавались служилыми людьми или вообще нѣсколькими лицами отъ себя а не отъ имени общинъ, или же подписывалась во всѣхъ людей мѣсто «излюбленными выборными людьми», которые привозили ихъ и въ Москву для подачи царю, что бывало, когда челобитныя подавались отъ общинъ.

Вопросъ о составленіи челобитныхъ, особенно челобитныхъ, подававшихся отъ нѣсколькихъ общинъ—все равно одного сословія или двухъ разныхъ—одинъ изъ самыхъ, намъ думается, интересныхъ вопросовъ по данному

предмету. Какъ, кѣмъ такія челобитныя составлялись? Къ сожалѣнію, мы не встрѣчаемъ по этому вопросу почти никакихъ указаній. Къ счастію, нашъ покойный историкъ Соловьевъ сообщаетъ намъ, изъ дѣлъ московскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ; фактъ для насъ, въ данномъ случаѣ въ высшей степени важный;—на основаніи архивнаго дѣла онъ разсказываетъ, въ XIII томѣ своей «Исторіи Россіи», о распряхъ крестьянскаго населенія Устюжскаго уѣзда съ посадскими людьми того же уѣзда и жалобахъ и челобитьяхъ перваго на послѣднихъ; историкъ, между прочимъ, сообщаетъ, что «въ 1675 году собрались въ Устюгѣ изъ уѣзда *всѣхъ волостей выборные люди и написали челобитную*, чтобъ быть все-уѣздной земской избѣ и все-уѣздному земскому старостѣ особо отъ посадскихъ людей». Изъ подчеркнутыхъ словъ, безъ всякой натяжки, можно сдѣлать заключеніе, что каждая община, въ данномъ случаѣ волость, выбирала особыхъ «излюбленныхъ» людей, которымъ она особенно довѣряла и которыхъ считала наиболѣе толковыми и знакомыми съ общинными земскими дѣлами; давала на сходѣ этимъ своимъ излюбленнымъ выборнымъ, такъ сказать, наставленія и уполномочивала ихъ къ составленію и подписанію челобитной царю. Вотъ эти-то общинные выборные, собравшись въ уѣздномъ городѣ, какъ административномъ центрѣ, къ которому тянули всѣ выбравшія ихъ общины, и составляли общую челобитную, «сговорясь промежъ себя; они-то и подписывали челобитную; они же, всѣ или нѣсколько выбранныхъ ими въ свою очередь изъ себя, везли челобитную въ Москву. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда, какъ въ указанномъ нами, челобитная писалась отъ массы лицъ, жившихъ на разныхъ концахъ государства, она составлялась въ одномъ городѣ челобитчиками этого послѣдняго, разумѣется, съ участіемъ и тѣхъ изъ другихъ городовъ, которые, по своимъ торговымъ или промышленнымъ дѣламъ проживали въ данномъ городѣ; составленная здѣсь и подписанная составителями челобитная уже начинала коче-

вать, для подписи, по различнымъ торговымъ городамъ, быть можетъ, «съ оказіей», наконецъ попадала въ Москву, привезенная туда нѣсколькими изъ челобитчиковъ, вѣроятно, вовсе и не возвращаясь предварительно въ тотъ городъ, гдѣ она была составлена.

Прибывъ въ Москву, челобитчики жили гдѣ нибудь на подворьѣ, выжидая, «какъ государь куды пойдетъ» чтобы при этомъ удобномъ случаѣ и вручить ему свою челобитную. Такая подача челобитныхъ лично самому государю практиковалась до изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Въ виду этого, при каждомъ выходѣ царя, послѣдняго всегда сопровождали бояринъ и дьякъ, такъ называемаго, челобитнаго приказа, въ которомъ, по свидѣтельству Котошихина, тѣ «челобитныя вѣдомо». Изъ челобитнаго приказа челобитныя поступали на разсмотрѣніе царя въ боярскую думу, гдѣ «тѣхъ челобитень царь слушаетъ самъ и бояре»; рѣшеніе царя пишется думными дьяками на самыхъ челобитныхъ, которыя послѣ этого снова возвращаются въ челобитный приказъ; подъячіе этого послѣдняго читаютъ царское рѣшеніе или отвѣтъ на челобитье «на площади, передъ царскимъ дворомъ, всѣмъ людямъ»; а по прочтеніи отдаютъ челобитную «именно тѣмъ людямъ, чья та челобитная будетъ». Но иногда челобитныя съ царскимъ указомъ не выдавались прямо на руки челобитчикамъ изъ челобитнаго приказа, а направлялись изъ послѣдняго въ соотвѣтствующій приказъ, смотря по содержанію челобитной; въ такомъ случаѣ, челобитчики уже «емлютъ свои челобитныя» въ такомъ приказѣ (Котошихинъ, гл. VII, 28). Подтвержденіе послѣдняго свидѣтельства Котошихина мы находимъ, напр., въ одной царской грамотѣ отъ 1616 года; изъ этой грамоты видно, что отвѣтъ на свою челобитную ясачные вогуличи получили изъ приказа, въ которомъ они вѣдались, изъ такъ называемой нижегородской чети, куда онъ былъ направленъ изъ челобитнаго приказа.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича (гл. X, ст. 20)

уже запрещаетъ, подъ страхомъ наказанія батогами и тюрьмой, «бити челомъ государю о судныхъ *и иныхъ какихъ дѣлѣхъ*», предписывая обращаться съ челобитьемъ сначала въ соотвѣтствующій приказъ; къ царю же лично позволяется обращаться лишь въ томъ случаѣ, если въ приказѣ противъ челобитья «указу не учинятъ». Подъ выраженіемъ «указу не учинятъ» нужно разумѣть: «не передадутъ дѣла въ боярскую думу», куда оно должно было вноситься или докладываться бояриномъ приказа въ формѣ, такъ называемой, «докладной записки» или «статейнаго списка»; съ первою приказъ входилъ въ томъ случаѣ, когда на обсужденіе думы вносилось одно дѣло, возбужденное въ приказѣ поданной въ него челобитной— или какимъ либо инымъ путемъ; въ «докладной выпискѣ», если дѣло возникало изъ челобитья, излагалось просто содержаніе этого челобитья; въ формѣ же «статейнаго списка» челобитье вносилось въ томъ случаѣ, если оно вносилось къ докладу въ ряду нѣсколькихъ другихъ болѣе или менѣе однородныхъ дѣлъ, которыя излагались по статьямъ, на каждую изъ которыхъ въ думѣ давался отдѣльный отвѣтъ.

«Подписная» челобитная, т.-е. челобитная, возвращенная въ соотвѣтствующій приказъ съ надписью на ней словъ — «царь указалъ, и бояре приговорили», за которыми словами, слѣдовало изложеніе самаго приговора—обращалась въ *законъ*.

До сихъ поръ мы говорили о челобитьяхъ вообще, не устанавливая какихъ либо отдѣльныхъ видовъ или категорій ихъ, хотя и имѣли въ виду, какъ сейчасъ увидимъ, именно одинъ, такъ сказать, спеціальный видъ ихъ. Статья Уложенія (приведенная нами нѣсколько выше), запрещающая подавать челобитныя непосредственно царю, говоритъ, мы видѣли, о двухъ видахъ челобитныхъ— «*судныхъ* и о *иныхъ* какихъ *дѣлѣхъ*»; разница между этими двумя видами огромная по существу; а въ нашей статьѣ мы имѣемъ постоянно, какъ уже замѣчено, одинъ

видъ ихъ, и именно тотъ, который Уложеніе называетъ челобитьями «о иныхъ дѣлѣхъ». Челобитья перваго рода «судныя» для насъ не имѣютъ значенія: это челобитья или жалобы на рѣшенія суда или самый судъ въ смыслѣ учрежденія; это наши современныя апелляціонныя и кассаціонныя жалобы. Подъ челобитьями «объ иныхъ дѣлѣхъ» Уложеніе разумѣетъ жалобы на всякаго рода «тяготы и раззоренія отъ налоговъ и поборовъ» со стороны всякаго рода правительственныхъ органовъ, просьбы о тѣхъ или иныхъ льготахъ, какого либо рода правительственныхъ мѣрахъ, имѣющихъ облегчить положеніе челобитчиковъ, и т. п. Только въ этого рода челобитныхъ, какъ увидимъ, и выражалась народная иниціатива, какъ иниціатива бьющихъ челомъ, такъ какъ они не только возбуждали вопросъ о новомъ законѣ, но часто если можно такъ выразиться, проэктировали новый законъ; при чемъ проэктъ челобитной сплошь и къ ряду обращался въ самый законъ.

Чтобы уяснить себѣ все значеніе челобитень въ ходѣ развитія законодательства московскаго государства, надо ознакомиться, хотя бы поверхностно, слегка, съ ихъ содержаніемъ и отношеніемъ этого послѣдняго къ тѣмъ царскимъ указамъ и боярскимъ приговорамъ, совокупность которыхъ и составляла тѣ нормы, которыми, главнымъ образомъ, опредѣлялся весь строй общественно государственной жизни московскаго государства. Содержаніе челобитень, въ высшей степени, было разнообразно и касалось, можно сказать, всѣхъ вопросовъ тогдашняго управленія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, разумѣя подъ нимъ и судъ, который еще вѣдался вмѣстѣ съ управленіемъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, одними и тѣми же учрежденіями и органами; челобитныя затрогивали вопросы и объ организаціи управленія, т. е. организаціи административныхъ учрежденій—правда, *мѣстныхъ* только—и вопросы о функціяхъ этихъ учрежденій; подымались челобитьями и разрѣшались, благодаря имъ, или при значительномъ участіи ихъ, вопросы податные, финансовые вообще, а по

связи съ этими послѣдними, ими затрогивались, затрогивался и, если угодно, опредѣлялся тягло-сословный строй общества и т. д., и т. д. Словомъ, можно сказать, что содержаніе челобитныхъ было такъ же разноообразно, какъ и содержаніе тѣхъ царскихъ указовъ и грамотъ и боярскихъ приговоровъ, которые вызывались ими къ жизни.

Мы вовсе не задаемся цѣлью исчерпать все содержаніе челобитень въ настоящей статьѣ и указать на всѣ тѣ предметы и стороны общественно-государственной жизни, которыя ими затрогивались, и на регулированіе которыхъ онѣ имѣли несомнѣнное вліяніе. Такая цѣль не можетъ быть достигнута въ сравнительно небольшой журнальной статьѣ. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ, въ нашихъ глазахъ, вопросахъ и на нихъ постараемся показать значеніе народной иниціативы въ тогдашнемъ законодательствѣ. «Иниціатива земскихъ учрежденій несомнѣнно принадлежитъ населенію, а не правительству», говоритъ профессоръ Владимирскій-Будановъ въ одномъ изъ примѣчаній своей хрестоматіи по поводу уже не разъ упоминаемой нами уставной важской грамоты, выданной уѣздному населенію Иваномъ Грознымъ въ отвѣтъ на челобитную этого населенія, и едва ли въ данномъ случаѣ можно упрекнуть профессора въ преувеличеніи. Обратимся къ самой грамотѣ. Она издана въ 1552 году на имя «важанъ, шенкурцевъ, посадскихъ людей и становыхъ, и волостныхъ крестьянъ», которыхъ царь пожаловалъ: «на Вагѣ, въ Шенкурьѣ, на посадѣ... важскому *намѣстнику* и... важскаго намѣстника *тіуну и его* пошлиннымъ *людемъ* и въ станѣхъ, и въ волостѣхъ *быти не велѣлъ;* а *велѣлъ* есми *у нихъ быти*, по ихъ челобитью, на посадѣ... и въ стану *излюбленнымъ головамъ, которыхъ* людей шенкурцы *посадскіе, люди и становые и волостные себѣ излюбили... кому* (т. е. которымъ) у нихъ и въ станѣ, и въ волостѣхъ *межъ себя управа чинити во всякихъ дѣлахъ земскихъ».* Другиии словами, царь измѣ-

нилъ всю организацію управленія даннымъ округомъ, замѣнивъ правительственные органы, назначавшіеся имъ самимъ въ Москвѣ изъ среды своихъ служилыхъ людей, выборными «головами», изъ среды самого населенія. И «пожаловалъ» этимъ царь своихъ посадскихъ и крестьянъ, какъ выражается грамота отъ его имени, *«по челобитью»*, по ихъ просьбѣ; и при томъ это пожалованіе не было отвѣтомъ на челобитье людей объ облегченіи ихъ положенія, не было отвѣтомъ только на заявленіе челобитчиковъ, что «на посадѣхъ многіе дворы а въ станѣхъ и въ волостѣхъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ... и отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ»; и что... «отъ того насильства и продажъ, и татебъ... посадскіе люди и становые, и волостные койкуда безвѣстно разбрелись порознь». Нѣтъ, челобитчики не ограничиваются однѣми *жалобами*; они, въ формѣ слезной просьбы, правда, просятъ царя ихъ «пожаловати, намѣстника у нихъ и... тіуна *отставити*, а *велѣти учинити* изъ ихъ посадскихъ людей *выборныхъ* лучшихъ людей, *кого они излюбили*... Посадскіе люди и становые, и волостные крестьяне... кому (т.-е. которымъ выборнымъ) у нихъ межъ посадскими людьми и становыми, и волостными въ душегубствѣ и въ татьбѣ, и въ разбоѣ, и поличнымъ и... *о всякихъ дѣлѣхъ земскихъ управа чинитъ* по Судебнику». Теперь сравните «пожалованье» царя съ этимъ «челобитьемъ», и вы увидите, что первое есть не больше какъ простое согласіе на второе. Но ни челобитье не остановилось на указанномъ, ни пожалованье не ограничивалось замѣной мѣстной правительственной администраціи выборной. Челобитье проситъ «пошлинъ излюбленнымъ головамъ съ управныхъ дѣлъ, со всякихъ и съ разбойныхъ не имати, а за намѣстничъ бы и за тіуновъ кормъ... и за всѣ намѣстничьи, и за тіуновъ пошлины», и вообще, вмѣсто всякихъ поборовъ, шедшихъ въ пользу разныхъ, теперь упраздненныхъ, правительственныхъ органовъ, а также вмѣсто различныхъ повинностей и «пошлинъ», отбыва-

мыхъ натурой, челобитчики просятъ «велѣти положити на нихъ деньгами, а давати бы имъ (царю) оброкъ одинова въ годъ, деньгами полторы тысячи рублевъ на одинъ срокъ въ году за недѣлю до масленаго заговѣйна»; тутъ же просятъ также дать бьющимъ челомъ общинамъ право крестьянъназывати «на пустыя мѣста и на пустыя деревни». Царь всѣмъ этимъ свои посадскія, становыя и волостныя общины пожаловалъ: «и оброкъ есми на нихъ, *по ихъ челобитью*, положилъ деньгами» полторы именно тысячи; «управу и казнь чинити» лихимъ людямъ, татямъ и разбойникамъ предоставилъ излюбленнымъ головамъ по Судебнику: «пожаловалъ ихъ царь и правомъ старыхъ своихъ тяглецовъ крестьянъ выводить назадъ безсрочно и безпошлинно», въ случаѣ переселенія ихъ на земли другихъ владѣльцевъ, «и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ преже того». Нужны ли, послѣ этого, какіе комментаріи къ словамъ профессора Буданова? Правда, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ грамотой, вводящей земскія учрежденія, вмѣсто правительственныхъ, лишь въ одномъ изъ многихъ округовъ обширнаго московскаго государства; но не забудемъ, что въ данномъ актѣ проявляется лишь начало преобразованій по данному предмету,—что весь ходъ законодательства въ данный періодъ исторіи шелъ чисто эмпирическимъ, если позволено будетъ это выраженіе, путемъ изданія отдѣльныхъ указовъ, вызываемыхъ къ жизни, сознанной въ томъ или иномъ отдѣльнымъ случаѣ потребностью. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ такихъ уставныхъ грамотъ, какъ важская, появившихся въ отвѣтъ на челобитья посадскихъ, становыхъ и волостныхъ людей разныхъ уѣздовъ, послѣдовалъ царскій указъ о повсемѣстной замѣнѣ правительственныхъ мѣстныхъ учрежденій выборными, земскими. И эта общая государственная реформа, выражаясь современнымъ языкомъ, также какъ и дарованіе уставныхъ грамотъ отдѣльнымъ общинамъ, по ихъ общиннымъ челобитьямъ, была результатомъ всеобщихъ челобитій, жалобъ и просьбъ,

была результатомъ «докуки безпрестанной» великому князю и царю всея Руси «челобитьями великими». Въ одной изъ тѣхъ именно грамотъ, изъ которыхъ мы заимствовали эпиграфъ къ настоящей главѣ (грамота отъ второй половины XVI столѣт.), мы встрѣчаемся съ постановленіемъ: «велѣли есми, говоритъ Иванъ Грозный, *во всѣхъ городахъ* и *волостѣхъ* учинити старостъ излюбленныхъ», т. е. выборныхъ отъ общинъ. Извѣстный историкъ нашъ прошлаго столѣтія Татищевъ, въ четвертой части своей исторіи (изданной покойнымъ Бодянскимъ) приводитъ одинъ царскій указъ, отъ 1556 года, которымъ указывается на всей Руси, во всѣхъ «городахъ и волостяхъ разчинити старосты и сотскіе, и пятидесятскіе, и десятскіе» (стр. 441) и вообще всѣхъ правительственныхъ мѣстныхъ органовъ замѣнить земскими. Изъ указа этого видно, что царь обращается къ этой мѣрѣ потому, что ему «вниде въ слухъ, какъ витіевато выражается авторъ указа, что многіе грады и волости пусты учинились, намѣстники и волостники изъ многихъ лѣтъ, презрѣвъ страхъ Божій и государскіе указы, много злокозненныхъ дѣлъ учиниша... и сотворились яко волци, гонители и разорители» (стр. 439). Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ ужасы о волкахъ и разорителяхъ «вниде въ слухъ царя» не иначе, какъ путемъ челобитій, которыя стекались въ Москву отъ разоряемыхъ, и въ которыхъ, мы видѣли, именно указывалось на разоренія и запустѣнія въ результатѣ дѣятельности царскихъ намѣстниковъ, волостей съ ихъ тіунами.

Едва-ли можно въ общественно-государственномъ строѣ нашего далекаго прошлаго отыскать сторону болѣе важную, чѣмъ та, на которой мы такъ, сравнительно, долго останавливались здѣсь, и въ то же время, едва ли можно указать болѣе сильный, рельефный примѣръ народной иниціативы, чѣмъ тотъ, на который мы указали; приведемъ однако еще нѣсколько, ограничившись при этомъ по возможности лишь простымъ указаніемъ. Такъ, извѣстныя *губныя* грамоты, начавшія появляться раньше уставныхъ

земскихъ грамотъ и признававшія за общинами право «*лихихъ людей*, разбойниковъ, *обыскивати.... пытати* накрѣпко.... *казнити смертію*» черезъ своихъ выборныхъ, «губныхъ головъ, старостъ, десятскихъ, выборныхъ изъ лучшихъ людей», которые замѣняли собою царскихъ «обыщиковъ», пріѣзжавшихъ изъ Москвы ради «губнаго дѣла»; эти грамоты были вызваны на свѣтъ божій, благодаря народной иниціативѣ, выразившейся въ тѣхъ же челобитныхъ волостныхъ и посадскихъ людей о томъ «что.... многія села и деревни разбойники разбиваютъ и животы грабятъ и села, и деревни жгутъ», а отъ обыщиковъ и недѣльщиковъ царскихъ, имѣвшихъ назначеніе ловить разбойниковъ, народу только «чинятся велики убытки».

Такой крупный фактъ не только въ исторіи московскаго государства, но въ нашей исторіи вообще, какъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, совершился не безъ сильнаго вліянія челобитень, главнымъ образомъ, служилыхъ людей; въ этихъ челобитьяхъ выразилась иниціатива многихъ отдѣльныхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгло московское правительство для достиженія полной крестьянской крѣпости землѣ; подъ вліяніемъ этихъ челобитень изданы всѣ указы о сыскѣ крестьянъ, сбѣжавшихъ съ земли одного владѣльца на земли другого, о такъ называемыхъ «урочныхъ» годахъ, въ теченіе которыхъ «сыскъ» допускался, о водвореніи ихъ на старыхъ мѣстахъ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ самыхъ раннихъ указовъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ—указъ 1598 года—былъ вызванъ именно такими челобитными, въ коихъ по преимуществу «дворяне и дѣти боярскіе»—эти низшіе люди служилаго сословія московскаго государства—«разныхъ городовъ» жаловались царю на то, что богатые вотчинники и крупные помѣщики вывозятъ «изъ-за нихъ, челобитчиковъ, *старинныхъ* ихъ людей и крестьянъ» и тѣмъ ихъ вдосталь разоряютъ. Подъ вліяніемъ челобитень отдѣльныхъ общинъ, посадскихъ людей и крестьянскаго населенія, по ихъ иниціативѣ, создается правительствомъ цѣлый рядъ

мѣръ, въ результатѣ которыхъ получилось полное отдѣленіе, относительно тягла и управленія, этихъ всѣхъ слоевъ населенія, полное обособленіе и замкнутость отдѣльныхъ общинъ того и другого; словомъ, вся тяглая организація городскихъ и сельскихъ общинъ слагается подъ сильнымъ вліяніемъ ихъ собственной иниціативы, на которую подвинуло ихъ всеобщее закрѣпленіе государственному тяглу и которая выражалась въ челобитьяхъ общинъ, имѣвшихъ цѣлью удержать, по возможности, въ своей средѣ всѣхъ своихъ членовъ и не пускать въ нее «иныхъ всякихъ людей», необязанныхъ нести ихъ общинное тягло.

Такъ называемая помѣстная система, вызванная, какъ и все остальное, извѣстными условіями и потребностями государственнаго организма, въ томъ ея видѣ, въ какомъ мы встрѣчаемся съ нею въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича или въ такъ наз. новоуказныхъ статьяхъ, дополняющихъ и развивающихъ его опредѣленія и по данному вопросу, сложилось опять-таки не безъ значительнаго вліянія все тѣхъ же челобитень служилыхъ людей.

По иниціативѣ народной, какъ о томъ свидѣтельствуетъ само Уложеніе, создано московскимъ правительствомъ, напр., такое учрежденіе, какъ *монастырскій приказъ*, учрежденіе, въ которомъ должны были «судъ давати во всякихъ исцовыхъ искѣхъ» на митрополита, архіепископовъ и епископовъ, на всѣхъ ихъ служилыхъ людей и крестьянъ, на монастыри съ ихъ братіей, слугами и крестьянами и «на поповъ, и на церковный причтъ»; Уложеніе прямо говоритъ, что «*по челобитью* стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и гостинныя, и суконныя, и иныхъ разныхъ сотенъ, и слободъ, и городовыхъ, и торговыхъ, и посадскихъ людей, *государь, царь* и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи *указалъ монастырскому приказу быти особно*» (Уложеніе, гл. XIII, I).

Извѣстный новоторговый уставъ, изданный (въ 1667 году) царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ цѣлію устано-

вить «свободные торги» для «торговыхъ людей московскаго государства и порубежныхъ городовъ великой Россіи, какъ годится быти» и «впредь укрѣпить великаго государственнаго и всенароднаго пошлиннаго сбора дѣло», явился результатомъ «всемилосердаго царскаго воззрѣнія на *всенародное слезное челобитіе*», въ которомъ «московскаго государства гости и гостинныхъ сотенъ, и черныхъ слободъ торговые люди» челомъ били и указывали на то, что, благодаря продолжительнымъ войнамъ, «пріѣзжіе иноземцы безстрашно учали товары худые и поддѣльные.... въ Москву и въ городы великой Русіи привозити», отчего имъ, русскимъ торговымъ людямъ, «многіе убытки и домовыя разоренія учинились». Стало быть, этотъ важный актъ московскаго законодательства, по своей инцiативѣ, принадлежитъ народу, его извѣстной части—главнымъ образомъ торгово-промышленному населенію, нѣсколько челобитень котораго по данному предмету дошли до нашего времени. А уставомъ этимъ устанавливается не «всенародное дѣло сбора» только, но и организація тѣхъ учрежденій—выборныхъ, которыя должны были вѣдать эти «сборы»; имъ устанавливаются также правила для производства торговли въ Россіи иноземцами, другими словами, въ извѣстной степени затрогиваются международныя отношенія.

Укажемъ, наконецъ, на слѣдующій фактъ: есть точное и несомнѣнное свидѣтельство одной изъ царскихъ грамотъ отъ 1648 г., что составленіе Уложенія Алексѣя Михайловича вызвано челобитіями различныхъ слоевъ населенія московскаго государства, т.-е., что ему, этому населенію, принадлежитъ инициатива изданія этого законодательнаго сборника XVII ст.: «*по челобитію стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ* московскихъ, и жильцовъ, дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и всѣхъ городовъ, и *иноземцевъ* (?) и гостей, и гостинныя и суконныя сотни, *и всякихъ чиновъ торговыхъ людей велѣно на Москвѣ* государевымъ боя- мъ, князь Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ товарищи....

написать судебникъ и *Уложенную книгу»*... Замѣтимъ въ заключенiе, что въ эту Уложенную книгу вошло не малое количество постановленiй, происхожденiе которыхъ, безъ всякаго сомнѣнiя, обязано все тѣмъ же челобитьямъ, т.-е. обусловлено все тѣмъ же правомъ инициативы, принадлежащимъ въ перiодъ московскаго государства всѣмъ слоямъ его населенiя, помимо рабовъ, разумѣется.

Вотъ въ нѣсколькихъ чертахъ значенiе челобитiй, этихъ петицiй московскаго государства въ ходѣ развитiя всего строя послѣдняго.

Не думаемъ, что мы особенно преувеличимъ значенiе народной инициативы, если скажемъ, что она влiяла на развитiе государства и охрану его не путемъ влiянiя только на законодательство. Припомнимъ страшную эпоху смутнаго времени, припомнимъ роль всѣхъ этихъ «черныхъ слободъ и сотенъ, торговыхъ и посадскихъ людишекъ», этихъ разныхъ «становъ и волостей крестьянъ»; припомнимъ тѣ дѣятельныя сношенiя, которыя имѣли мѣсто, напр., на сѣверѣ тогдашней Россiи между отдѣльными городами во время борьбы царя Василiя Шуйскаго съ «Тушинскимъ воромъ»; припомнимъ, какъ далекiе Устюгъ и Вычегда сносятся письмами другъ съ другомъ о томъ, чтобъ «стоять накрѣпко», не цѣловать креста «вору» и собирать людей со всего уѣзда на случай обороны отъ нападенiя людей самозванца; «помыслите, пишутъ устюжане вычегодцамъ, *съ мiромъ* накрѣпко, не спѣшите крестъ цѣловать: не угадать на чемъ совершится» (Соловьевъ, Ист. Рос., т. VIII, 248 и сл.). Тамъ же, на сѣверѣ, города сносятся другъ съ другомъ письмами о томъ, «чтобъ вѣры христiанской не попрать, за царя Василiя и другъ за друга головы сложить, а польскимъ и литовскимъ людямъ не сдаться» (тамъ же). И они не сдаются, окапываются и вооружаются, несмотря на отсутствiе воеводъ, которыхъ замѣняютъ выборными людьми. Прошло какихъ-нибудь три года; царя нѣтъ, смута достигла крайнихъ предѣловъ—города снова заговорили; гонцы снуютъ изъ конца въ конецъ земли

русской, разнося по лицу ея грамоты, первыми составителями которыхъ на этотъ разъ являются смоляне; къ нимъ присоединились москвичи, а тамъ подняли голову нижегородцы, стали во главѣ движенія, которое.... привело къ возстановленію государства, возрожденію его (тамъ же, 398 и сл.). По нашему крайнему разумѣнію, все это стоитъ въ тѣсной связи съ практикой, если можно такъ выразиться, челобитій въ московской Руси: мы видѣли, какъ составлялись эти челобитныя, мы поймемъ, какую дѣятельность онѣ вызывали въ населеніи. Смутное время не застало врасплохъ этого населенія: сноситься другъ съ другомъ городамъ было за обычай; добиться «одной мысли» двумъ или нѣсколькимъ городамъ—дѣло заурядное; присылать изъ одного города въ другой «на договоръ лучшихъ людей»—не было дѣломъ незнакомымъ московскимъ людямъ и до смутнаго времени, въ періодъ котораго то, другое и третье сослужило лишь особенно великую и нелегкую службу.

II.

Общій совѣтъ земли. — Земскіе соборы.

...„Судьбами Божьими московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ воровъ разорилось и запустѣло... всякимъ людямъ скорбь конечная... И мы великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи.... со всѣми людьми московскаго государства учиня соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили какъ бы то исправить и землю устроить“.

(Царская грамота, 1619 г.).

«Тогда (въ іюлѣ 1556 года) Іоаннъ явилъ Россіи зрѣлище необыкновенное: призвалъ въ земскую думу не только знатнѣйшее духовенство, бояръ, окольничьихъ, всѣхъ другихъ сановниковъ, казначеевъ, дьяковъ, дворянъ первой и второй статьи, но и гостей, купцовъ, помѣщиковъ иногородныхъ; отдалъ имъ на судъ переговоры наши съ

Литвою и спрашивалъ, что дѣлать: мириться или воевать съ королемъ?» Такъ разсказываетъ нашъ исторіографъ Карамзинъ о первомъ соборѣ второй половины XVI столѣтія. Но такое же «зрѣлище необыкновенное» явлено было въ Москвѣ тѣмъ же страшнымъ царемъ почти лѣтъ за двадцать до того собора, о которомъ сейчасъ говоримъ. Въ тяжелую, страшную годину, когда народъ московскаго государства, переживая время «разнобоярщины», не смѣлъ обратиться къ своему исконному праву «бить челомъ» о своихъ невзгодахъ, когда намѣстники, волостели и другіе царскіе служилые люди, презирая «страхъ Божій и государскіе указы, сотворишася ему—народу—гонители правители»; когда рискнувшіе обратиться къ челобитью наказывались самимъ юнымъ царемъ, какъ преступники; безчеловѣчно истязались ради потѣхи «его царскаго величества»; когда населеніе Москвы, «несчастіемъ расположенное къ изступленію злобы», говоря цвѣтистымъ языкомъ Карамзина, «и къ мятежу», возстало на пепелищѣ полугорѣвшаго города,—на молодого царя, быть можетъ, подъ вліяніемъ всего этого, напалъ стихъ умиленія и раскаянія: онъ повелѣваетъ «*собрати свое государство изъ городовъ всякаго чина*» въ Москвѣ; и передъ этимъ «государствомъ», собраніемъ представителей «всей земли» на Красной площади, съ Лобнаго мѣста изливаетъ свою душу, обвиняетъ бояръ, «они же властвоваху.... юности ради пустоты» своего царя, во всѣхъ тяготахъ, претерпѣваемыхъ народомъ, и торжественно обѣщаетъ послѣднему впредь «быти судіей и обороной и неправды разоряти, и хищенія возвращати»...

Съ этого момента открывается почти полутора-столѣтній періодъ земскихъ думъ, соборовъ,—періодъ нашей исторіи, когда царь московскій во всѣхъ трудныхъ, тяжелыхъ обстоятельствахъ обращается къ силамъ и «мысли» земли и въ нихъ черпаетъ свою «мысль», свою силу и съ нею, землею, рѣшаетъ дѣло «съ общаго совѣта».

Но что же это за «общій совѣтъ земли?» Кто его высказывалъ, кто въ немъ участвовалъ, какое онъ имѣлъ

значеніе для царя московскаго, какова была его роль въ ходѣ дѣлъ государства? Попробуемъ отвѣтить на эти вопросы, ради краткости, а пожалуй и большей ясности, по возможности, словами тѣхъ письменныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ времени XVI и XVII столѣтій, которые свидѣтельствуютъ намъ о глубоко интересномъ явленіи общественно-государственной жизни, составляющемъ предметъ содержанія настоящей главы.

«Государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи указалъ быти собору, а на соборѣ быти крутицкому митрополиту, и архимандритамъ, и игуменамъ, и всему освященному собору, и боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и дьякамъ, и головамъ, и сотникамъ стрѣлецкимъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, и гостямъ и гостинныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ, и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ»... Вотъ реальное выраженіе «всей земли», «всего государства». Если всмотрѣться въ этотъ перечень участвующихъ въ соборѣ, нельзя не замѣтить въ немъ отсутствія крестьянъ, которые и не участвовали въ данномъ—1642 года—соборѣ и въ соборахъ вообще за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда спеціально приглашались къ участію въ нихъ «*уѣздные всякіе* люди пригородовъ и уѣздовъ», при предположеніи, разумѣется, подъ этими уѣздными людьми именно крестьянъ; но эти указанія, во-первыхъ, очень рѣдки, а во-вторыхъ, быть можетъ, подъ уѣздными людьми здѣсь слѣдуетъ разумѣть тѣхъ же торговыхъ и промышленныхъ людей, жившихъ по уѣздамъ и занимавшихся тамъ вмѣстѣ и земледѣліемъ; изслѣдователи, разумѣющіе подъ уѣздными людьми крестьянъ, думаютъ, однако, видѣть въ послѣднихъ лишь «незначительное число ихъ, которое осталось еще свободнымъ (Сергѣевичъ), т.-е. жило на черныхъ, государственныхъ земляхъ. Дальше, всматриваясь въ перечисленный составъ собора, увидимъ, что онъ распадается на двѣ части, благодаря различію тѣхъ *основаній*, въ силу

которыхъ входящіе въ него участвуютъ на соборѣ: одни явились сюда въ силу, такъ сказать, занимаемаго ими положенія, въ силу ихъ званія; это—митрополитъ, архіепископы, епископы и игумены во-первыхъ; они явились сюда всѣ, находившіеся на лицо, поголовно, т.-е. безъ всякихъ выборовъ; на этомъ же основаніи почти всегда участвовалъ на соборахъ патріархъ; также поголовно же явились на данный соборъ, и являлись на всѣ, высшіе чины служилыхъ людей—бояре, окольничьи и всѣ вообще, участвовавшіе въ боярской думѣ думные люди; всѣ же остальные, т.-е. низшее духовенство, всякіе служилые люди, въ родѣ дворянъ, какъ московскихъ, такъ и городовыхъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, торговые и посадскіе люди являлись на соборъ въ силу *выборовъ,* какъ *представители* избравшихъ ихъ слоевъ населенія или чиновъ даннаго округа. На Москвѣ и въ городахъ — уѣздныхъ, стоявшихъ во главѣ административныхъ округовъ—выбирались представители для участія въ земскихъ соборахъ, въ силу особыхъ царскихъ грамотъ, разсылавшихся на имя мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, воеводъ или, такъ называемыхъ, избныхъ старостъ, выборныхъ людей, иногда замѣнявшихъ воеводъ, коимъ эти грамоты предписывали собрать для выслушанія прежде всего царской грамоты, въ соборъ «архимандритовъ и игуменовъ, и протопоповъ, и поповъ, и весь освященный соборъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ и гостей, посадскихъ и уѣздныхъ всякихъ людей». По прочтеніи грамоты воевода или губной староста долженъ былъ «велѣть» всѣмъ этимъ людямъ «выбрати *изъ всѣхъ чиновъ* людей добрыхъ и разумныхъ» или «смышленыхъ» и постоятельныхъ, иногда прибавляется: «кому-бъ государевы и земскія дѣла за обычай», или—«которые бъ умѣли разсказать обиды и насильства и разоренія и чѣмъ московскому государству полниться... и устроить бы московское государство, чтобъ всѣ пришли въ достоинство». Этимъ ограничиваются свѣдѣнія о самыхъ выборахъ. Несомнѣнно, что выборы производились каждымъ

«чиномъ» отдѣльно, хотя и трудно сказать категорически, что выбранный былъ представителемъ исключительно интересовъ выбравшаго его чина, а не цѣлаго округа, въ которомъ его выбирали. Избиратели должны были прежде всего своимъ выборнымъ «дать за руками списки на нихъ», т. е. уполномочія за подписью избирателей; во-вторыхъ, думать надо, выборные получали отъ своихъ избирателей родъ инструкцій въ руководство своей дѣятельности на соборахъ, какъ объ этомъ можно заключить изъ слѣдующаго мѣста одной грамоты земскаго собора 1613 года, избравшаго царемъ Михаила Θеодоровича, къ этому послѣднему: «и мы, богомольцы и холопи твои царевы, всякихъ чиновъ люди московскаго государства писали... во всѣ городы, чтобъ избрати... государя царя и великаго князя... и для-бъ государскаго избиранія ѣхали изъ городовъ къ Москвѣ изо всякихъ чиновъ люди, *договоряся* въ городахъ *накрѣпко и взявъ у всякихъ людей* о государскомъ избираніи полные договоры»; въ третьихъ, наконецъ, избиратели снабжали своихъ представителей «запасами», какъ объ этомъ прямо говорится въ памятникахъ, т. е. содержаніемъ, необходимымъ на время засѣданія на соборѣ. О числѣ выборныхъ отъ каждаго чина можно сказать лишь, что если оно и опредѣлялось, то опредѣлялось только на каждый отдѣльный случай, а не разъ навсегда, и опредѣлялось различно; случается въ грамотахъ встрѣчаться съ требованіемъ выдать отъ каждаго чина, «по скольку человѣкъ пригоже», т. е. опредѣленія числа представителей предоставлялось самимъ избирателямъ.

Вотъ составъ общаго совѣта земли великаго собора.

Явившись въ Москву со своими уполномочіями и инструкціями, выборные представители земли, вмѣстѣ съ духовенствомъ—освященнымъ соборомъ—и высшими чинами служилыхъ людей, собирались въ одной изъ палатъ Кремлевскаго дворца и выслушивали, обыкновенно, рѣчь царя, произносимую имъ самимъ или кѣмъ-либо изъ его ближнихъ бояръ, въ которой излагалось содержаніе дѣла, пред-

лагавшагося на обсужденіе собора, мотивы его созванія, и которая предлагала собору «*помыслить на крѣпко* и государю *мысль свою объявить*, чтобъ ему, государю, про то про все было извѣстно». Какъ подавалась эта мысль и каково было ея значеніе, какъ рѣшенія всего собора, всей земли? На первый вопросъ наши изслѣдователи отвѣчаютъ различно и при томъ, какъ относительно того, была ли подача «мысли» сословною или нѣтъ, такъ и относительно самой *процедуры составленія* этой мысли, ея образованія, если можно такъ выразиться. Большинство принимаетъ, что самая подача мнѣній, мысли, царю совершалась каждымъ *сословіемъ* отдѣльно, т. е. была сословною, нѣкоторые же (профессоръ Владимирскій-Будановъ) принимаютъ и, по нашему мнѣнію, съ большимъ основаніемъ, что «*для обсужденія*» всѣ члены собора «раздѣляются *по статьямъ*», что вовсе не обозначаетъ собою раздѣленія ихъ по сословіямъ, такъ какъ одно сословіе или классъ распадалось обыкновенно на нѣсколько статей. На соборѣ 1642 года «мысль свою объявили» отдѣльно: 1) «власти»—государевы богомольцы, т. е. высшее духовенство, засѣдавшее не по выбору; 2) стольники; 3) *московскіе* дворяне; 4) двое изъ этихъ дворянъ—Желябужскій и Беклемишевъ; 5) головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ; 6) «володимирцы дворяне и дѣти боярскія, *которыя на Москвѣ*»; 7) дворяне и дѣти боярскія Нижняго Новгорода и муромцы и лушане, *которые здѣсь, на Москвѣ*. (Не разумѣются ли здѣсь не выборные отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ названныхъ городовъ, а случайно, во время собора, въ Москвѣ жившіе?); 8) «дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ» вмѣстѣ—всего *шестнадцати*; 9) отдѣльно же подаютъ свою «мысль и сказку» дворяне и дѣти боярскія еще *двадцати трехъ* городовъ; 10) любо сказали свои «рѣчи», гостишка и гостинныя, и суконныя сотни «торговыя людишка» и, наконецъ, 11) подавали отдѣльно отъ другихъ мысль свою «черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишка, и всѣ тяглые людишка». Въ виду этого, совершенно справедливо за-

ключеніе г. Владимирскаго-Буданова, что «соборъ (разумѣется, и не этотъ только, а всѣ) дѣлился довольно произвольно *по статъямъ для легкости обсужденія дѣла* безъ всякаго вниманія къ сословному положенію». Это заключеніе подтверждается и протоколами другого собора—1566 года, на которомъ мнѣнія подали отдѣльно богомольцы, бояре и окольничьи, дворяне первой статьи, дворяне второй статьи, торопецкіе помѣщики, луцкіе помѣщики, печатникъ Иванъ Михайловъ Висковатовъ.

Какъ обсуждалось дѣло каждою изъ «статей» того или другого слоя населенія, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ указаній на то, что «мысль, рѣчи или сказки» подавались послѣ того, какъ подававшіе ихъ «межъ себя говорили», «мыслили накрѣпко»; несомнѣнно, что пренія, разностороннее обсужденіе дѣла предшествовало подачѣ мысли. Съ цѣлью дать соборнымъ людямъ большую возможность ближе познакомиться съ обстоятельствами дѣла, предлагавшагося на ихъ обсужденіе, ихъ ознакомленіе съ этимъ дѣломъ не ограничивалось изложеніемъ его въ царской рѣчи; его излагали письменно и раздавали, какъ это видно изъ протоколовъ того же собора 1642 года, «по государеву указу» по экземпляру такого «письма», «соборнымъ людямъ», разныхъ всякихъ чиновъ, для подлиннаго вѣдома, *порознь*.

Къ совѣщанію со своимъ «государствомъ», царь московскій обращался въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Онъ находилъ возможнымъ и нужнымъ съ этимъ государствомъ, съ «землею» своею «говорити», напримѣръ, о войнѣ и мирѣ, т. е. онъ приглашалъ соборъ высказать «свою мысль» объ объявленіи войны или заключеніи мира. Такъ, напримѣръ, на соборѣ 1642 года, царь, на рѣшеніе этого собора, прямо ставитъ вопросъ: «за Азовъ съ турскимъ и съ крымскимъ царемъ *разрывать ли* и Азовъ у донскихъ атамановъ и казаковъ пріимать ли?» Повелѣніемъ государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи, въ 1566 году созванъ былъ соборъ для рѣшенія вопроса—«на

какове мѣре государю съ королемъ (польскимъ) помиритися?» При этомъ вопросъ о войнѣ и мирѣ обсуждался и рѣшался на соборѣ не только, такъ сказать, въ принципѣ— быть войнѣ или миру, или не быть,—но и въ подробностяхъ: у него спрашивали не только о томъ, начинать ли войну или заключать миръ, но и о томъ, какъ вести эту войну или на какихъ условіяхъ заключать миръ: въ 1637 году, по поводу нападенія на наши «украинныя мѣста», царь Михаилъ Ѳеодоровичъ созвалъ соборъ, у котораго спрашивалъ, «*какъ*, для избавленія православныхъ крестьянъ *противъ таковаго недруга* крымскаго царя, *стоять и какими обычаи ратныхъ людей* сбирати?» Въ 1618 году, «когда королевичъ Владиславъ отъ Можайска со всѣми польскими и литовскими людьми и съ нѣмцы и съ нарядомъ отшелъ и пошелъ по московской дорогѣ подъ Москву», *царь* Михаилъ Ѳеодоровичъ *приговорилъ* «со властьми и съ бояры и всякихъ чиновъ съ людьми московскаго государства, т. е. *на соборѣ*»—«быти на Москвѣ въ осадѣ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ», каковые и перечислены поименно; здѣсь же, *на соборѣ* рѣшено: по какимъ городамъ, какимъ боярамъ «сбиратись съ ратными людьми»; при чемъ этимъ боярамъ даны были наказы, «какъ имъ этимъ государевымъ и *земскимъ* дѣломъ (защитой отечества) промышлять»; тутъ же, на соборѣ, составленъ и подробный планъ защиты Москвы. На соборѣ 1566 года, гдѣ, мы видѣли, рѣшена была война съ Польшей, предложенныя Иваномъ Грознымъ условія перемирія съ королемъ найдены были неудовлетворительными; государевы богомольцы нашли, что «государское великое смиреніе во всемъ поступаетъ на себя», и что въ результатѣ условій этихъ, «Пскову тѣсноты будутъ великія... Великому Новгороду и иныхъ городовъ торговымъ людемъ торговли затворятца», и потому находятъ ихъ невозможными; ихъ нашли таковыми и всѣ, участвовавшіе въ совѣтѣ земли.

Рѣшеніе вопроса о войнѣ въ положительномъ смыслѣ,— въ неразрывной связи съ вопросомъ о новыхъ тяготахъ,

налогахъ и повинностяхъ народныхъ; а поэтому, соборамъ, которымъ предлагался на обсужденіе вопросъ: «разрывать ли» съ какимъ-либо сосѣдомъ, предлагался вмѣстѣ и вопросъ—откуда взять средства на веденіе войны, если рѣшено будетъ приступить къ ней. Такъ на соборѣ 1642 г. вмѣстѣ съ вопросомъ—«съ крымскимъ царемъ разорвать ли», предложенъ былъ вопросъ и о томъ, «гдѣ имати» тѣ «великія деньги и многіе запасы», которые «надобны будутъ на городовое азовское дѣло и ратнымъ людямъ на жалованье»? Такимъ образомъ, участіе собора въ рѣшеніи вопроса о войнѣ и мирѣ вело и къ участію его въ финансовомъ вопросѣ—о новыхъ налогахъ и повинностяхъ, которые и устанавливались соборами. Соборы устанавливали размѣръ новыхъ наборовъ ратныхъ людей, опредѣляя какое число ихъ слѣдовало взимать съ извѣстнаго числа дворовъ: «съ дворцовыхъ селъ, рѣшилъ соборъ 1637 года, взяти ратныхъ людей по человѣку; а съ патріарха и съ митрополитовъ, и съ архіепископовъ и епископовъ, и съ большихъ монастырей—съ десяти дворовъ по человѣку; а съ бояръ и... со всякихъ чиновъ людей, съ помѣстей и съ вотчинъ, съ двадцати дворовъ по человѣку; а съ середнихъ и съ меньшихъ монастырей съ десяти дворовъ по четыре лошади подъ ратныхъ людей; а съ городовъ, съ посадовъ и съ уѣздовъ, съ черныхъ волостей указали есмя взяти, ратнымъ людямъ на жалованье... со двора по два рубля». Въ особенно тяжелыя времена, напримѣръ, въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, къ соборамъ обращались и исключительно съ вопросомъ объ отысканіи средствъ на государственныя нужды и потребности вообще, вызванныя положеніемъ государства въ данную минуту или, какъ это имѣло мѣсто на соборахъ 1632 и 1634 годовъ, на которыхъ рѣчь шла исключительно о «вспоможеньи»—«дали бы денегъ» на войну съ Польшей. Въ нѣсколькихъ царскихъ грамотахъ десятыхъ годовъ XVII столѣтія есть прямыя указанія, что по царскому указу «*и всей земли приговору*, велѣно со всѣхъ городовъ московскаго государства,

со всякихъ людей, животовъ собирати... деньги пятая доля» (т. е. 20% дохода); при чемъ «*по земскому приговору*» посылаемы были по городамъ «для денежныхъ сборовъ», установленныхъ тѣмъ же приговоромъ, особые, вѣроятно, избиравшіеся на соборахъ же, «окольничіи или дворяне и архимандритъ, или игуменъ и дьякъ». Съ извѣстныхъ богачей того времени, братьевъ Строгановыхъ, однимъ изъ соборовъ приговорено было «взяти *съ вотчинъ и съ промысловъ, и съ животовъ* сорокъ тысячъ рублевъ»; въ вознагражденіе за что имъ обѣщается «отъ великаго государя жалованье, а отъ всѣхъ росѣйскихъ государствъ слава... на вѣки». На упомянутомъ выше соборѣ 1632 года, собранномъ по поводу того, что «впередъ безъ прибыльныя безъ великія рати съ польскими и съ литовскими людьми не раздѣлаться», постановлено было еще разъ (въ который, не знаемъ) «съ торговыхъ, съ московскихъ людей и въ городѣхъ частей и съ торговыхъ, съ лутчихъ и съ середнихъ, съ молотчихъ людей... взяти пятую деньгу»; а съ бояръ, приказныхъ и т. д.—«кто что дастъ»; для сбора этихъ денегъ рѣшено было посылать «архимандритовъ и игуменовъ, а съ ними дворянъ добрыхъ». Проходитъ два года, война длится и при томъ грозитъ неблагопріятнымъ для московскаго государства исходомъ: «по ссылкѣ и накупкѣ» польскаго короля, войска крымскаго царя «многіе городы повоевали», чѣмъ этотъ царь «государеву дѣлу поруху учинилъ многую»; государственныя средства всѣ идутъ на военные расходы, «и впередъ денежной государевѣ казнѣ жалованье и на кормъ ратнымъ людемъ *безъ прибыльныя* казны быть не умѣть». А откуда взять эту «прибыльную казну?» Указано быти, для рѣшенія этого труднаго вопроса, земскому собору, на которомъ всякихъ чиновъ люди московскаго государства рѣшили, что «денегъ дадутъ, смотря по своимъ пожиткомъ, что кому мочно дать».

Не для рѣшенія, однако, указанныхъ только вопросовъ созывались московскими царями земскіе соборы; они

созывались и для рѣшенія вопросовъ о внутреннемъ устройствѣ государства вообще; они созывались для того, чтобы узнать здѣсь отъ выборныхъ земли «всякія ихъ нужды и тѣсноты, и разоренья.... и размышляти ко всему добру, чтобъ всѣ люди государства жили въ покоѣ и въ радости»; они призывались, чтобъ помочь царю «устроить московское государство, чтобъ пришло все въ достоинство». Въ нашихъ источникахъ мы имѣли указанія на дѣятельность одного собора именно въ этомъ направленіи. Увидѣвъ, что государство «разорено и запустѣло», что подати и повинности ложатся не на всѣхъ людей равномѣрной тяжестью, что многіе тяглые люди отъ этихъ податей и повинностей избавляются всякими путями—вовсе съѣзжая изъ своихъ городовъ, съ дворовъ, живя по другимъ городамъ «у племени и друзей», записываясь «въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей»; увидѣвъ, что бояре и всякихъ чиновъ сильные люди чинятъ посадскимъ и уѣзднымъ маломочнымъ людямъ всякія «насильства и обиды», царь Михаилъ Ѳедоровичъ «съ отцомъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитычемъ московскимъ и всея Русіи» созываютъ соборъ и на немъ «со всѣми людьми московскаго государства *о всѣхъ статьяхъ* говорятъ, какъ бы то исправить и земля устроить». Съ цѣлью такого устроенія земли на соборѣ рѣшено было произвести новую оцѣнку податной собственности, для чего по всѣмъ городамъ разосланы были особые чиновники—писцы и дозорщики;—всѣхъ сбѣжавшихъ съ посадовъ тяглыхъ людей приняты мѣры, «сыскивая, отсылати въ тѣ города, гдѣ они прежде сего живали»; при чемъ рѣшено было «льготы имъ дать, смотря по разоренію»; всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, заложившихся въ кабалу, дабы избавиться отъ непосильнаго государева тягла, на соборѣ предписано отобрать у митрополита, монастырей, бояръ и всякихъ людей, взыскавъ за нихъ съ послѣднихъ «всякія государевы подати за прошлые годы»; для разбора жалобъ на насильства сильныхъ людей призналъ соборъ нужнымъ

устроить на Москвѣ родъ особой комиссіи, говоря нынѣшнимъ административнымъ жаргономъ, изъ бояръ Черкасскаго и Мезецкаго съ товарищи; въ довершеніе всего рѣшено «сыскати и выписати» точныя свѣдѣнія, «сколько со всѣхъ городовъ всякихъ доходовъ и сколько въ нынѣшнихъ годѣхъ доходовъ въ приходѣ, и что въ расходѣ, и что въ доимкѣ осталось, и что отъ разорѣнья запустѣло, и какихъ селъ и деревень роздано въ помѣстья и въ вотчины, и что въ нихъ было какихъ доходовъ, и что затѣмъ по окладу всякихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ осталось, и на какіе расходы тѣ доходы указаны, и что за расходомъ останется». Устройство государства на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, приведеніе его «въ достоинство» сдѣлано задачей слѣдующаго собора.

Дѣятельность соборовъ не останавливалась и на этомъ; при извѣстныхъ обстоятельствахъ она шла дальше. Отъ начала царствованія Михаила Ѳедоровича—1614 года, до насъ дошли три «соборныя грамоты», посланныя въ одинъ и тотъ же день 18 марта «на Волгу атаманомъ и казакомъ и всему великому войску и Заруцкому». Грамоты эти, откуда и самое названіе ихъ *соборныя*, посланы казацкому войску исключительно или отъ имени всего собора «отъ богомольцевъ, отъ митрополитовъ и отъ архіепискуповъ и епискуповъ, и отъ всего освященнаго собору, и отъ окольничихъ, и отъ чашениковъ, и отъ стольниковъ, и отъ дворянъ московскихъ, и отъ приказныхъ людей, и отъ дворянъ изъ городовъ, и отъ головъ, и отъ сотниковъ стрѣлецкихъ, и отъ дѣтей боярскихъ, и отъ атамановъ, и отъ стрѣльцовъ, и отъ казаковъ, и отъ гостей, и отъ торговыхъ, и ото всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей»; или отъ имени извѣстной части его: разъ отъ имени богомольцевъ «освященнаго собора», другой отъ бояръ и всего московскаго государства всякихъ чиновъ людей. А въ грамотахъ этихъ (въ двухъ) волжское казацкое войско, послѣ того какъ передъ нимъ изложили всѣ невзгоды смутнаго времени, разсказали объ избраніи царя и

воровствѣ Ивашки Заруцкаго съ еретицей богомерзкой Маринкой, приглашается царю Михаилу Θедоровичу «служить и прямить безо всякаго сумнѣнья и воровскимъ ложнымъ заводамъ Ивашка Заруцкаго ни въ чемъ не вѣрить... и къ боярамъ и къ воеводамъ на его государству службу итти не мѣшкая»; въ награду за эту службу соборъ обѣщаетъ казакамъ «царское милостивое жалованье.... свыше прежнихъ великихъ государей, а отъ всего московскаго государства честь и хвалу». Въ третьей грамотѣ отъ всего земскаго собора на имя «Ивана Мартыновича Заруцкаго», послѣ цѣлаго ряда укоровъ этого атамана въ томъ, что онъ «первое зло московскому государству завелъ», соборъ проситъ его «добить челомъ и вину свою принести великому государю Михаилу Θедоровичу, отъ имени котораго обѣщается полное забвеніе «всякія вины».

Нельзя, наконецъ, не остановиться, изучая сферу дѣятельности земскихъ соборовъ, на соборѣ 1648 года, который имѣетъ такое непосредственное отношеніе къ Уложенной книгѣ царя Алексѣя Михайловича; въ дѣятельности этого собора, быть можетъ, наиболѣе рельефно выразилось значеніе земскихъ соборовъ московскаго государства въ законодательствѣ и управленіи этого послѣдняго. До послѣдняго времени, опираясь на предисловіе къ Уложенію, принимали, что послѣднее было лишь прочтено на соборѣ, который, такимъ образомъ, былъ созванъ исключительно для того, чтобы выслушать составленное особою комиссіей изъ бояръ,—что царь Алексѣй Михайловичъ этимъ путемъ хотѣлъ лишь «его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми *утвердити* и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла... впредь были ничѣмъ *нерушимы*». Съ постепеннымъ появленіемъ различнаго рода письменныхъ памятниковъ въ разныхъ изданіяхъ, изученіе Уложенія на основаніи этихъ памятниковъ привело къ иному взгляду на дѣло; это изученіе заставило дать вѣру извѣстію одного иностранца, бывшаго въ Москвѣ въ XVII ст. Этотъ иноземецъ

въ своихъ запискахъ о Россіи разсказываетъ, что, по указу Алексѣя Михайловича, собрались въ Москву выборные люди, чтобъ написать «нѣсколько новыхъ законовъ», что они и исполнили, составивъ Уложеніе, въ которое вмѣстѣ съ старыми положеніями вошло много новыхъ. Профессоръ Сергѣевичъ утверждаетъ категорически, что «чины собора принимали участіе въ самомъ составленіи статей Уложенія», ссылаясь на подтвержденіе этого на слова предисловія къ Уложенію, въ которомъ говорится, что вопросы, на которые не находится никакихъ отвѣтовъ ни въ Судебникахъ, ни въ дополнительныхъ къ нимъ указахъ, должны быть рѣшены «по его государеву указу *общимъ совѣтомъ*», подъ которымъ профессоръ разумѣетъ общій совѣтъ *земли*—земскій соборъ. Принявъ это вѣрное положеніе, другой изслѣдователь права московскаго государства, г. Загоскинъ, утверждаетъ, что нѣсколько десятковъ статей Уложенія (онъ нашелъ 82) «составлены были при участіи выборныхъ людей земскаго собора». Нѣкоторыя изъ этихъ статей вошли въ Уложеніе, какъ мы уже указали въ первой главѣ настоящей статьи, изъ челобитныхъ, поданныхъ выборными членами собора; а многія, вѣроятно, возникали и вырабатывались во время самыхъ преній соборныхъ. Соборъ этотъ, по догадкамъ г.г. Сергѣевича и Загоскина, тянулся до пяти мѣсяцевъ.

Сообразивъ все до сихъ поръ сказанное здѣсь о соборахъ, нельзя не притти къ заключенію, что они имѣли громадное значеніе въ общественно-государственномъ строѣ нашего прошлаго. Они «представляются, говоритъ профессоръ Сергѣевичъ, несомнѣнно полезными, какъ средство непосредственнаго общенія государя съ землей: изъ челобитныхъ выборныхъ людей государи прямо знакомились съ потребностями страны, недостатками управленія и злоупотребленіями органовъ администраціи». И это справедливо. Выборные члены собора, всегда съ готовностью предлагая просимыя у нихъ правительствомъ средства—деньгами, людьми, припасами,—необходимыя на веденіе слишкомъ

тяжелыхъ и слишкомъ частыхъ войнъ, тѣмъ не менѣе смѣло указывали на свое «разореніе и безпомощность», какъ это сдѣлали, напр., дворяне и дѣти боярскія многихъ городовъ на соборѣ 1642 года; на «оскудѣніе и полное обнищаніе многихъ людей отъ безпрестанныхъ государевыхъ служебъ и отъ пятинныя деньги», какъ на это указывали на томъ же соборѣ торговые люди, которые тутъ же били челомъ царю въ томъ, что «всякія ихъ торжишка на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ отняли многіе иноземцы»; что «въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца *отъ государевыхъ воеводъ,* а торговые людишка, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же *водскаго задержанея и насильства* въ проѣздѣхъ торговъ своихъ отбыли»... Но этимъ только значеніе земскихъ соборовъ не исчерпывалось, какъ не исчерпывалось, мы видѣли, и значеніе челобитій однѣми жалобами на тяготы и разоренія; какъ въ челобитьяхъ выражалась извѣстная иниціатива относительно принятія тѣхъ или иныхъ мѣръ по тѣмъ или инымъ вопросамъ, изданія тѣхъ или иныхъ указовъ по этимъ вопросамъ; такъ точно и на соборахъ выражалась та же народная иниціатива, то же народное участіе въ самомъ законодательствѣ и при томъ не по вопросамъ только мѣстнымъ, но по вопросамъ общегосударственнымъ. Указанные нами предметы соборныхъ совѣщаній служатъ лучшимъ и несомнѣннымъ подтвержденіемъ высказанной мысли.

Соборы созывалъ царь; онъ ихъ и распускалъ; отъ него же зависѣло и придать то или иное значеніе ихъ приговору или постановленію; и все это зависѣло, исключительно, отъ его усмотрѣнія, его доброй воли: никакихъ юридическихъ опредѣленій взаимныхъ отношеній этихъ двухъ факторовъ московскаго общественно-государственнаго строя мы не находимъ, да и не найдемъ: ихъ не существовало, какъ не существовало этихъ опредѣленій и по многимъ другимъ сторонамъ этого строя. Являясь *представительными* учрежденіями, наши земскіе соборы при-

надлежатъ къ явленіямъ той же стадіи развитія государства, къ какой относятся пресловутыя Etats généraux Франціи и начальные парламенты Англіи; но этимъ ихъ сходство въ сущности и кончается. Тамъ эти учрежденія явились, какъ результатъ борьбы отдѣльныхъ классовъ феодальнаго общества между собою и съ королевской властью; здѣсь, въ московскомъ государствѣ, *никакой* борьбы не существовало: власть царя московскаго объединяла вся и все: тяглое населеніе государства все шло за нимъ, шло неуклонно и безпрекословно; отдѣльные слои этого населенія борьбы между собой не вели: не за что было вести ее въ смыслѣ западно-европейской борьбы. Въ этой характеристической чертѣ историческаго возникновенія и хода развитія нашихъ сословій, а въ силу этого въ своеобразномъ развитіи верховной власти московскаго царя и лежитъ, въ свою очередь, своеобразность нашихъ земскихъ соборовъ, какъ народныхъ представительныхъ учрежденій; отсюда эта неопредѣленность ихъ отношеній къ верховной власти и наоборотъ; отсюда эта патріархальность отношеній, организаціи.

И несмотря, однако, на эту патріархальность, на эту неопредѣленность, наши соборы, въ *свое время*, повторяемъ еще разъ, сыграли огромную роль въ исторіи и, вопреки мнѣнію г. Чичерина, въ теченіе полутора столѣтій «были существеннымъ элементомъ государственной жизни», какъ были имъ, напр., во Франціи Etats généraux, хотя и существенно отличаясь отъ этихъ послѣднихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить такіе соборы, какъ соборы начала царствованія Михаила Ѳедоровича или соборъ Алексѣя Михайловича, участвовавшій въ составленіи Уложенія. Они могли бы быть и послѣ XVII ст. этимъ «существеннымъ элементомъ», разумѣется, при извѣстныхъ, благопріятныхъ для этого, условіяхъ; случись это послѣднее, въ нихъ *всѣ нашли бы*, быть можетъ, *и то, чего въ нихъ въ дѣйствительности и не было.* Но этого не случилось. Соборы исчезли; но исчезли, во вся-

комъ случаѣ, не вслѣдствіе «своего *внутренняго* ничтожества, какъ думаетъ тотъ же г. Чичеринъ. Утверждать это—значитъ утверждать внутреннее ничтожество представительнаго начала вообще. «Если государи перестали созывать соборы, говоритъ проф. Сергѣевичъ, то причину этого надо искать въ стороннихъ вліяніяхъ, которымъ было выгодно представить соборы, какъ учрежденіе безполезное». Проявленіе этихъ «стороннихъ вліяній» почтенный профессоръ находитъ еще во второй половинѣ XVII столѣтія; эти вліянія истекали, по его мнѣнію, отъ бояръ, думныхъ людей вообще и духовныхъ властей московскаго государства, которымъ наиболѣе претила и вредила дѣятельность московскихъ соборовъ. Догадка вѣроятна. Но, во всякомъ случаѣ, эта причина не была исключительной, единственной причиной исчезновенія соборовъ, которые дѣйствительно исчезли лишь въ XVIII ст. Трудно воздержаться, чтобъ не привести здѣсь взгляда на данный вопросъ, высказаннаго другимъ нашимъ профессоромъ исторіи русскаго права, г. Владимирскимъ-Будановымъ, и высказаннаго именно по поводу мнѣнія г. Сергѣевича. Почтенный профессоръ проситъ не забывать, что соборы, имѣвшіе мѣсто для «государственнаго обиранья», т. е. избранія царей, созывались *«боярами и духовенствомъ»*; по совѣту съ тѣми и другими созывались соборы и при царяхъ, напр. въ 1619 и 1648 годахъ; наконецъ, онъ обращаетъ особенное вниманіе на договоръ, заключенный *во время междуцарствія,* когда бояре могли сдѣлать многое въ своихъ личныхъ интересахъ, съ королевичемъ Владиславомъ, — договоръ, составленный и заключенный исключительно боярами, а въ этомъ договорѣ говорится напр. слѣдующее: «на Москвѣ и по городамъ суду быти и совершатись по прежнему обычаю.... *а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленія судовъ и государю на то поволити съ думою боярскою и всей земли»*—не съ одною думою боярскою, а и *думою всей земли*, т.-е. съ *земскимъ* соборомъ!

Почему же въ это удобное для нихъ время бояре не отдѣлались отъ думы всей земли? Профессоръ же Будановъ указываетъ, въ двухъ-трехъ словахъ, на одну изъ настоящихъ, по нашему мнѣнію, причинъ исчезновенія соборовъ въ XVIII столѣтіи: «верховная власть, проводя въ жизнь новыя нормы вопреки обычному праву (т. е. народному сознанію о правѣ), не могла въ этой дѣятельности опираться на представителей народа; напротивъ, она должна была ожидать въ нихъ лишь противодѣйствія и порицанія». И въ самомъ дѣлѣ, что могъ узнать для своей дѣятельности геніальный царь-революціонеръ, проникнутый убѣжденіями и взглядами «просвѣщеннаго абсолютизма?» Зачѣмъ могъ онъ обращаться къ совѣту» «земли», по его мнѣнію, разсыпавшейся, шедшей къ своей погибели?..

Только во второй половинѣ XVIII столѣтія мы вдругъ, совершенно неожиданно, встрѣчаемся съ народнымъ представительствомъ въ формѣ «Комиссіи о сочиненіи проэкта новаго Уложенія», созванной въ 1767 году и представлявшей собою совокупность представителей всѣхъ классовъ населенія, исключая, разумѣется, крестьянъ, изъ которыхъ прислали своихъ представителей лишь ничтожное количество государственныхъ. Царственная поклонница Вольтера хотѣла узнать «умоначертаніе своего народа» и въ союзѣ съ нимъ достигнуть «блаженства всѣхъ и каждаго... укрѣпить и защитить отечество... соблюсти законы... узаконить такія государственныя учрежденія, кои вели бы къ соблюденію добраго во всемъ порядка». Мы знаемъ, что комиссія *этихъ* цѣлей не достигла, и никакъ не по ея винѣ; но ея кратковременная дѣятельность все-таки не прошла и совершенно безслѣдно: «*Комиссія Уложенія*», говорила императрица, «*подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи* съ кѣмъ дѣло имѣемъ *и о комъ пещись должно... Стали* многіе о цвѣтахъ *судить* по цвѣтамъ, *а не яко слѣпые о цвѣтахъ*».

Несмотря на это свидѣтельство самой виновницы созванія собора въ XVIII ст., въ немъ долгое время видѣли,

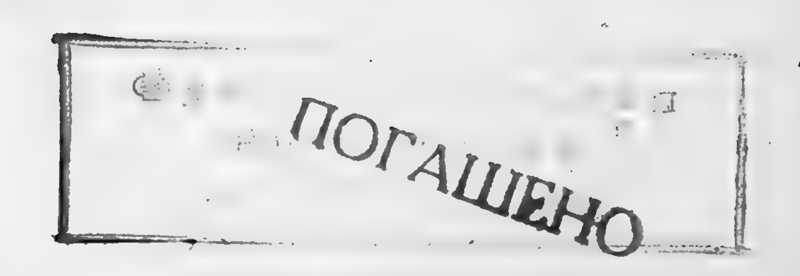
а вѣроятно, видятъ и теперь, нѣчто, мы затрудняемся выбрать подходящее выраженіе—нѣчто пожалуй, опасное, нѣчто такое, къ чему слѣдуетъ относиться очень и очень осторожно. Несомнѣнно, что такъ же смотрѣли и смотрятъ и на соборы московскаго государства. Лучшимъ отвѣтомъ на такое воззрѣніе можетъ служить, разумѣется, самая дѣятельность комиссіи и соборовъ и вмѣстѣ то довѣріе, съ какимъ относились къ нимъ державные носители верховной власти, къ нимъ за совѣтомъ и помощью обращавшіеся.

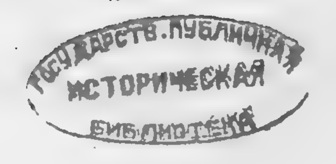
Но мы попросимъ, къ этому, читателя еще разъ вспомнить тѣ печальныя страницы нашего прошлаго, которыя носятъ характерное названіе *смутнаго* времени,—вспомнить, чѣмъ закончились эти страницы. А закончились онѣ совѣтомъ всей земли—*земскимъ соборомъ*, совѣтомъ «митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, бояръ, воеводъ, дворянъ, гостей и посадскихъ и всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей», въ лицѣ ихъ представителей, лучшихъ и разумныхъ людей; совѣтомъ, собравшимся въ Москву со всѣхъ концовъ Руси по призыву «бояръ и воеводъ и всякихъ чиновъ всякихъ людей, которые въ то время (по очищеніи Москвы) были на Москвѣ». Совѣтъ этотъ собрался «для государскаго обиранья», для того, *чтобъ «великое россійское государство, послѣ московскаго разоренія, впередъ безгосударно не было»*; и онъ этого достигъ: «*по* всему мирному благосоюзному *общему совѣту*... всякіе служилые люди и гости, и посадскіе и уѣздные всякіе люди всѣхъ городовъ всего великаго россійскаго царствія... обрали на всѣ великія и преславныя государства всего россійскаго царствія государемъ царемъ... Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьева!»

Отдадимъ же *должное* земскому совѣту московскаго государства.

Отдавая должное, мы вовсе не хотимъ видѣть въ этомъ совѣтѣ, *какъ мы то знаемъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ*, что-то недосягаемое, идеальное, желательное во

всѣ времена и при всякихъ условіяхъ. Нѣтъ, мы не забываемъ законовъ историческаго развитія; мы не забываемъ, что общество и государство растутъ въ силу именно этихъ законовъ: тѣ *формы* представительства, которыя были полезны въ XVII ст., едва ли будутъ таковыми два столѣтія спустя; но съ измѣненіемъ формъ, ихъ негодностью, едва ли становится негодной самая сущность.

Оглавленіе.

1 р. 20 к

